

40 коп.
ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ
МАТРОСЫ

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

МАТРОСЫ

Рассказы и очерки

Москва
«Современник»
1987

Р2
В55

Составитель *Н. Д. Ткаченко*

Вишневский В. В.

В55 Матросы: Рассказы и очерки.— М.: Современник, 1987.— 96 с.

Участник октябрьских боев 1917 года, пулеметчик буденновской конницы, военный моряк, политработник, писатель, лауреат Государственной премии СССР Всеволод Вишневский (1900—1951) принес в литературу героический пафос гражданской войны, Красной Армии и Красного Флота.

В книгу вошли рассказы и очерки о революционных матросах Балтики и Черноморья, бойцах Революции и защитниках священных завоеваний.

В $\frac{4702010200-245}{М106(03)-87}$ 138—87 84Р7 Р2

© Составление, оформление, издательство «Современник», 1987

МАТРОСЫ

Цикл рассказов

ГИБЕЛЬ КРОНШТАДТСКОГО ПОЛКА

Ходили слухи, что их было — тысяча, две, три. Но определенно не знали, сколько же их было.

Я знаю, что их было тысяча восемьсот восемьдесят пять. И все они, как один, похожие друг на друга, как прибрежные балтийские сосны. Великолепным шагом прошли они Якорную площадь Кронштадта и, бросив прощальный взгляд на гавань, ушли на сухопутный далекий фронт. В бумагах красавцев значилось: «Военный моряк первого морского кронштадтского полка».

17 декабря 1918 года... Полк стоит под селом Кузнецовским, на Урале. Ночью пошли белые сибирцы на матросов. Юз стучит: «Противник силой до шести тысяч штыков начал наступление на участке кронштадтцев...»

— Го-го, Марфуша, ставь самовар, гости едут!

— Гады сибирские, спать не дадут...

— Искромсаем!

— Стукнем!

Цепь в снегу... Идет передача:

— Прицел постоянный. Без приказа не стрелять...

Так. Подпускать, значит, в упор. А ночь лунная — удобная для этого. Ведь на снегу все видно.

Идут сибирцы. Смотрят матросы:

— В рай торопятся...

— Хорошо идут, ей-богу!

Пулеметчики спешно докуривают, потом некогда будет: предстоит бой, а то еще и убьют.

Табаку мало, второй номер просит:

— Оставь двадцать, а?

Потянул. Третий просит:

— Заявка на сорок...

Пососал третий, пальцы цигарка обжигает, держать нельзя, но мы народ хитрый: подденем ее на острую спичечку —

и ко рту, вот на пару затяжек и хватит. На все, друг, соображение надо.

Комиссар подбадривает:

— Держись за землю, братки. Корешки пускай в нее, расти, как дерево.

Идут сибирцы...

— А ну, сыграть им, а?

— Стоп! Без торопливых. А то еще залягут...

У гангутских подначка идет:

— Мишечка, может, вам надо для безопасности партийный билет на сохранение сдать?

Мишечка глазом косит:

— Ты от себя или от хозяина треплешься?

— Мишечка, странный вопрос. Хозяев ликвидировали. (И сразу голос изменился.) А чалдоны-то близко... Во! Гляди, Миша!

— Вижу...

Сибирцы подходят: цепями, вперебежку. Интервалы по фронту — три шага. Примолкли все. Тихо. Тут у одного зубы застучали. Слышно, как снег скрипит. Командиры матросские — старые, бывалые — ловят глазом, чуют нутром: опередить сибирцев надо, ожечь их прежде, чем «ура» начнут. С «ура» легче идти, а если их раньше стегануть — труднее им наступать будет.

Братки лежат, левыми локтями под собой ямки буравят. Кто понервнее — курок поставит, чтобы не дернуть раньше других. Полковой пес, взятый с крейсера, стал подскуливать. Цыкнули — умолк. Пулеметчикам из резерва горячие чайники лётом тащат: кожуха пулеметов прогреть надо. И вот — с фланга: «По противнику! Постоянный! Пальба рот-той!»

Старый унтер голос дал — что в тринадцатом году на плацу у Исаакия:

— Рот-та!

Подождем... На выдержку берет....

— Пли!

Эх, плеснули! Ох, капнули! С елей снег посыпался...

А пулеметчики ждут. Свои «максимы» белолобые прячут. А ну, иди ближе, Колчак! Мы тебе захождение сыграем.

Загудели сибирцы. «Рр-а-а». Жидковато.

— Огонь.

Бьют матросы с рассеиванием.

— Шире рот разевай, лови!

Окапываются сибирцы...

— Хлебнули!

— Куда лезете, здесь для некурящих!..

Тихо...

Время шло. Девять атак было.

Двое суток сибирцы окружали полк, теснили его. Полк подался и занял кольцевую позицию... Окружен... К концу вторых суток, девятнадцатого декабря, в десятую атаку готовились сибирцы. Шрапнелью поливать начали.

Покрикивают в цепи братки:

— Санита-а-ры...

— Носилки...

Ответ дают:

— В цепи санитары все...

Шестая рота по семь патронов на человека имеет. Когда ты в кольце — это не богато. И вдруг:

— А ну, кто за патронами?

Вскинулись... Кто кричал?

Васька отвечает:

— Есть патроны! Кто со мной? Идем с убитых снимать...

И на белых показывает. А их на снегу, шагах в двухстах, не обери-бери.

— Поди, поди-и, тебе жару дадут. На тебя запас там есть...

Вася говорит:

— Мишечка, вы, конечно, с Тулы вагон патронов себе затребовали, и вам нет заботы, и вам этот вагон два паровоза экстренно везут.

Мишечка лежит, молчит.

— Или, Мишечка, вы разговаривать не желаете? Слабо́ идти, а?

Молчит Мишечка. Встал, подошел к нему Вася. С ним еще четверо. А Миша лежит, не движется. Политрук говорит:

— Ну, за Мишку никогда не думал худо, а тут не пошел...

— Коммунар!

А Мишечка лежит в цепи тихий, неразговорчивый. Тяжко ранен он.

В цепи обсуждают:

— До подъема флага продержимся?

— Нет.

— Сомнут...

— Говорят, выручка идет...

— Эх, обнял бы я на прощание какую-нибудь старушку лет семнадцати...

Вася ползет по снегу. Дотащился. Лежит один бородатый солдат на животе, рука в сторону откинута. Колечко алюминиевое поблескивает. Голова набок. И слезы замерзшие. Вася с ним в разговор:

— Эх, дура-борода. Ведь взрослый парень, а туда же.

Мурлычет Вася между делом:

— Спи, дитя мое родное, бог твой сон храни...

Патроны с мертвеца снимает, приговаривает:

— Колчак чай внакладку пьет. А ты мертвый на холоде зябнешь (пересчитывает патроны). Один, два, три, десять — и то хлеб... Дело твое кончено, а нам, может, еще целый день жить.

И дальше пополз матрос. Набрали все-таки кое-каких патронов. Опять шрапнель лопается. Потом затихло. Пули свистят беспрерывно: «Пи-у, пи-у...»

— Вон она, пуля, за молоком пошла.

Двинули сибирцы. Заходили пулеметы.

Раненые второй роты сидят и лежат в яме.

— Опять пошли...

— Может, выручка придет?

— Воды бы...

С жару, с лихорадки — раненые снег едят...

— Товарищи, воды бы... Глоток хошь... О-ох...

Стонут недобитые братки. Руки себе искусали. Один пополз воды просить в лощинку, где снег для пулеметов топят.

— Дай глотнуть.

— На, только немного, костер тухнет, а пулеметы стынут.

Рядом — ели в обхват, а в костер класть уже нечего. Что было сучьев — поломали, порубили, пожгли...

— Мне бы котелочек... для раненых.

— Не выйдет, браток...

Пулеметчики примчались.

— Воду давай!

— Тут раненые просят...

— А нам как же, чего в пулеметы лить?

Поглядел раненый на пулеметчиков и сказал:

— Берите воду, братки. Полку атаку отбивать надо. Потерпим...

И снова едят раненые снег и тихо стонут:

— Испить бы...

Рядом комиссар лежит. Бок у него разворочен, кровью истекает, бойцов уговаривает:

— Потерпим, друзья, потерпим.

И захлебнулся кровью комиссар.

Отбили атаку последними патронами матросы.

За полночь перевалило. В пятой роте покуривают, идет тихий разговор:

— Всыпались вроде, а?

— Похоже...

— Выручка идет, бригада целая.
— Языком треплешь.
Командир и двое уцелевших коммунистов из ячейки обсуждают:
— Был полк и должен быть полк как полк.
— Ударить на них разом. Может, прорвемся?
— Нечем уже ударять. По двадцать человек в роте осталось.
— Что же делать-то?
— Принять гранатами, а потом на руку. Кто-нибудь ранеными займется.
В ротах готовятся. Граната дистанционного действия — «лимонка». Взяли гранату в правую руку, левой сорвали свободный конец ленты с головки запала.
— Запоминай, товарищ, правила изготовки к бою: правой рукой чиркай о дощечку, как спичку. Огонь пройдет по внутреннему бикфордову шнуру к капсюлю. Размахивайся и сразу бросай. А у кого гранаты «Г-1» — проверь тоже. Бери гранату в правую руку. Левой снимай предохранительный колпачок, ударяй правой рукой гранату раз или два по левой ладони. (Ну как бутылку водки. Эх, пополоскать бы зубки под конец жизни!) Жало ударит капсюль, он воспламенится, огонь пойдет по бикфордову шнуру к заряду. Через пять секунд взрыв. Бросай...
— Все в порядке?
— Все.
Ваську вызвали к ротному в ячейку. Идет, нашептывает сам себе: «Полный, малый... стоп...»
— В чем дело?
— Где гармонь?
— Лежит в порядке. А что?
— «Вставай, проклятьем заклейменный...» знаешь?
— Нет... Я больше романсы и танцы знаю...
— Чудак ты, почему не научился?
— Вот пусть белые подождут — научусь, пожжалста...
— Говори толком, что играешь-то?
— «На сопках» знаю, «Падеспань», «Краковьяк», «Песня кочегара»...
— Толком бы чего-нибудь.
— А вот «Варяга».
— Да-к это старое...
— Зато флотское. А для чего именно нужно?
— Будешь сейчас в цепи играть.
— Ай, здорово! А там и выручка подойдет...

Пошли. Вася саратовскую гармонь вынул. Взял с переборами:

— «Ай, ой, иху-аху, аха-ха».

В цепи:

— Вот чудило! Молодец!

— Дай, дай, Вася!

— Вот прилажусь...

Три гранаты приготовил, ямку удобную в снегу устроил.

Представился:

— Рота моя, слушай меня... Сеанс начинается. Любимец публики с крейсера «Россия», кавалер кронштадтских дам, машинист самостоятельного управления — Васичка Демин.

Матросы заулыбались:

— Вот зараза!

Донеслись возгласы белых:

— Наступа-а-й!

И опять пошли сибирцы. Потарахтели два пулемета, и кончились патроны у матросов. Только гармонь играет...

Идут сибирцы. Скрип по снегу. Опять залегли, а братки гудят:

— А-а-а...

— Что, сапоги жмут?

Командир кричит братве:

— Держись, карапузики! Выручка будет!

Ни черта, товарищи, не будет. Только разговор для подъема духа делается. Понимают это ребята. Сибирцы опять пошли. Матросы за гранаты взялись...

— Товарищи, держись кучнее, корму не показывать!

А Васечка опять треплется:

— Первым номером исполнена будет популярно-морская мелодия «Варяг». Три-четыре...

Наверх вы, товарищи, все по местам.
Последний парад наступа-а-ет.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не жела-а-ет...

Ну что же делать, что Васечка подходящего не знает? Вы его простите.

...Все вымпелы вьются, и цепи гремят...
Наверх якоря поднимают...

«Варяг» послужил полку,— разное бывает...

Крикнул командир:

— А ну, к гранатам!

Один — тот самый, из ячейки — подбежал к яме с ранеными.

Раз... Два... Три... Одну, другую, третью гранату пустил. Рр-аах-ах-ах!.. По своим, по раненым! Ну ясно — а что же делать? Оставить их колчаковцам, чтобы кишки на шомпол наматывали? Брысь вы, жалостливые!

Вернулся товарищ в цепь. В цепи уже все в рост стоят, в руках гранаты. Васечка играет «Варяга»...

Кричат белые:

— Сдавайтесь!

Ответ из полка дают:

— Тппрру...

— Сад-дись!..

— А ну, дернули!

Полетели гранаты. Искры сыплются — фосфор у «лимонок» горит.

Сибирцы шарахнулись — кто назад, кто вперед. Не любят они этого дела.

Мертвый лежит первый кронштадтский полк.

Лежит у села Кузнецовского. Знаю только двух живых из полка — вырвались: Емельянов и Степанов...

Товарищи крестьяне села Кузнецовского, сложите груду камней у могилы павших — в память полка.

В Кронштадт с Восточного фронта пришло сообщение об исключении из списков первого морского кронштадтского полка.

В гавани кронштадтской — траур на кораблях.

— На флаг, смирно!

— Флаги приспустить!

До половины вниз сбежали флаги. Стоят смирно матросы на палубах. Тихо падает снег. Траур.

Стоят минуту, ходят годы...

«Ай, ой, иху-аху, аха-ха!» Пошел из Кронштадта второй полк. Смотри, Колчак! Моря нам не видать, если тебя не разгрохаем...

А первый кронштадтский полк лежит и лежит — мертвый, у села Кузнецовского.

Сибирцы бродят, смотрят на матросов, удивляются:

— Вот народ!

— И чего они такие?

— Меченые...

На руках матросов действительно синеют якоря.

Шарят сибирцы, обирают трупы. У одного портсигар пус-

той нашли, у другого — наган без патронов, у третьего газету вытащили.

— Дай-ка газетку, покурим...

А полуротный тут как тут:

— Дай сюда газету!

— На раскурку разрешите оставить, господин прапорщик.

— Давай, не разговаривай!

Сует солдат газету полуротному:

— Виноват...

Разве можно нижним чинам сибирской армии держать в руках «Красную газету»?

Кронштадт
1930 г.

БУШЛАТ МАТРОСА КОЦУРЫ

Эх, и времечко! Эх, и времечко! Ну и времечко — восемнадцатый год да на Черном море!

Жизнь идет в Новороссийске.

С Кубани казаки поглядывали — боязно тронуться к берегу. Матросы там. Расчистят — хоть и казаков. Очень память свежая. И кроме того, казаки по гроб не забудут «Ростислава».

— Ой, чертяка, бил, ой, бил! Вдарит: окопа нема, а турки, як консервы: тилько мясо пораскидано. Так який дурень к Новороссийску пойдет, як там флот? З перевалов тилько доглядать — як там матросы.

Доглядали — сало жевали, доглядали.

Затопили мы свой флот в Новороссийске.

Пошевелились кубанцы, почесались,— ну як? Белые стали большевиков от Царицына отрезать-то — на Федько жать и в тыл Батайской группе Сорокина выходить. Кубанцы еще трохи пошевелились — мабуть, пийшлы? Белые Тихорецкую взяли. Шкуро пошел — гэй, казаки! Кубанцы еще почухались.

— Так, мабуть, пийшлы?

Народ хитрый — разглядели, что можно казаковать по-за чужими офицерскими спинами. Пошли.

Двадцать шестого августа, в четыре часа дня, Новороссийск был взят белыми. Вошли со стороны Неберджаевской и Анапы. Вдогон Таманской армии вошли. Казаки поглядели.

— Флота нема? Мабуть, де захоронывсь?

Нет — флот не захоронился, не спрятался. В воде истлевали сигнальные флаги: «Погибаю, но не сдаюсь».

Ну, тогда казаки стали храбрые. Забоговали в Новороссийске, заскакали, заджигитовали по Серебряковской улице.

— Флота нэмае!

— Шукай матросов! Де воны!

Белые матросам скидки не делали. Весь Новороссийск в ужасе затрясся, когда белые взялись за оставшихся матросов. Рубили их «на капусту», на молу расстреливали, вешали...

Ну, годочки, которые на север не поехали, в нейтралитет заиграли,— к расчету! Едут казаки богатые и веселые — понабирали барахла в городе. В два огляда. Военная добыча. Едут, а мальчишки смотрят. Казаки кричат:

— Гэй, пацаны! Чуете! Грошей дамо, в казаки визьмем. Де матросы? А ну, кажить!

— Дяденька, давай покажу.

Бежит пацанок матроса показывать.

— Вон, дяденька, вон сидит.

Сидит в вольной одеже с эскадренного миноносца «Калиакрия» кочегар. Баба у него здесь. С ума из-за бабы сошел,— красавица баба. Куда от нее ехать?! На мангале баба варит-жарит, белье стирает, спит, любит. Красавица баба и руки золотые. Сколько к ней братков подсыпалось, сколько ей дарили, сколько у ней просили! Взяла кочегара — грудь у него, как меха, брови тонкие, чистый, как стеклышко.

Сидит кочегарик у домика — и домик на Нахаловке с садиком у бабы. Во, баба!

Скачут казаки. Встать или сидеть кочегару? Сидеть решил. Сидит, поглядывает. Что я особенно сделал? Ну, во флоте был? Был. По призыву? По призыву. С тысяча девятьсот тринадцатого года? С тысяча девятьсот тринадцатого. Георгиевский крест имею? Имею. А что было на митинге авралил — так кто не авралил? Ну, скажи сам, кто не авралил? Было и кубанцы чище авралили — войну долой и все в этом роде. Не так? Так...

Скачут казаки. По камням копыта бьют. Первый ближе, опередил других.

— Бувай здоров, матрос!

Шашка сверху — в плечо, в кость, в ребра... А-аах... Ничего рубят кубанцы.

Идут казаки к цементному заводу. В заставу на шоссе.

— Як з города кто втикать на Кабардинку — Геленджик буде — стой!

Сидят, на море глядят. А за молом — стеньги и реи миноносцев над водой торчат, как кресты. Кладбище флота! Ох, свободно казакам — никто не мешает.

Идет человек.

— Стой! Хто такий?

— Житель местный, со Стандарта.

— А ну, наколка есть?

Смотрят — нет наколки. Вроде и верно — житель. Матросы все с наколкой.

— А ну, хрест есть?

Смотрят — нет креста на шее.

— Колы в тоби хреста нэмае — большевык ты, сукин сын!

— Ей-богу, господа казаки...

— А — господа? Ласковый стал... Бажан, а ну веди его к сотнику. Хай разберуть.

Отполосовал дядьку сотник — креста нет, а, подумайте!

Коцура сидит третий день как миленький. В окошечко из чердака глядит — бухту видит, пристани. Только кораблей не видит. Ушел в воду «Фидониси» — красавец, новичок был! Эх, кораблик был! Своими руками открыл Коцура кингстоны на «Фидониси» и, выбежав наверх, бросился в поджидавшую его шлюпку. Последний раз глянул на родной эсминец, погружавшийся в воду.

Товарищи после потопления флота на север подались, а он, стыдно сказать, решил отдохнуть: послужил пять лет — и будет... А как белые пришли — понял Коцура, что если и отдохнет он, так только покачиваясь где-нибудь на фонаре. Все вспомнил сейчас Коцура... Эх, дал бы он себе в ухо, в нос!

Есть нечего, пошевелиться нельзя. В чужой дом залетел. Услышат — выдадут, из боязни. Думает Коцура, мудрует. Только что-нибудь сообразит — на руку посмотрит, в тоску вгонится. На руке якорь, две буквы «И. К.» и «1916». В экипаже еще накололи. Хоть с кожей, с мясом сдирай наколку.

— А-а — два раза не умирать. Вира якорь!

Ночью подался Коцура с чердака. Забрехала собака, Коцура через плетень махнул. Гавкай, сука!

Темна августовская ночь. Выстрел то там, то здесь. Как выстрел — нет матроса. Казаки действуют — храбрые они, по ночам ходить не боятся — ой, здорово!

Шаг ступит Коцура — слушает. С любого места окликнуть могут. Только бы на край добраться, а там — в горы. В горах кизил, вишня, груша, яблоки есть. На баштаны и виноградники руку положить можно...

— Стой, кто идет?

— Свой.

— Проходи.

Подошел. Спичка чиркнула.

— Хлопцы! Матрос!

— От-то герой, гуляет!

Посмеялись казаки.

— Дэ рубить будемо?

— Пийшли до моря, хай в води плавает! Руки порубаем — хай плавает.

— Добрэ.

Повели к морю. А чуть светать стало — холодок. На пристань пришли.

— Молысь, хлопчэ, просы за грехи.

Отчего не помолиться — пару минут лишку пожить?

— Отче наш (что делать, а?)... иже еси (бежать, бежать)... на небеси (только соображай)... да святится (так вашу... людей губят)... имя твое (может, так?)... да приидет царствие твое (эх, пропадать)...

— Помолывсь?

— Уже.

— Раздевайсь!

Стал бушлат снимать. Снял. Потом форменку... Снял. Снимает медленно, будто руки не действуют.

— А ну, швидче!

Стал тельняшку снимать. Сел — ботинки расшнуровывает. Ну, минутку бы еще...

— Братцы казаки...

— Ну?

— Возьмите бушлат.

— Добрый який. Все визьмем.

— Братцы казаки...

— Раздевайсь, бисов сын!

— Братцы, в бушлате зашитое есть...

— Го. Що такэ?

— Деньги, николаевскими три тысячи.

Боже ты мой! Как затрусились казаки, кинулись бушлат пороть. Коцура ботинки снял. Осталось брюки да сподники снять. Только дурак снимать их будет, а не матрос. Дернул Коцура в море, нырнул. А казаки бушлат порют. Бух-бултых!

— Шо, дэ? Стой!

Забегали казаки. Стреляют в воду, а в воде нет никого.

— Мабуть, втонул?

— Мабуть, вбили?

Бушлат распороли.

— Ото ж, сукин сын, ото ж, гадюка — грошей нэмае!

Подырявили действительно бушлат, а грошей нет. Вот досада-то! Кто такой бушлат купит? Ай-ай-ай!

Вот нехороший матрос, чтоб ему ни дна ни покрышки.

Под пристанью, у свай — под сводом у берега — сидит Коцура. Вода теплая,— что матросу сделается!

Дернул браток ночью, босенький, через Стандарт в горы, на перевал. Прощевайте, казаки! Кланялся вам красный моряк Коцура. Это тот самый, що грошей николаевских три тысячи вам сулил...

Ленинград
1930 г.

ВЗЯТИЕ АКИМОВКИ

Бронепоезд «Грозный» выходит из Мелитополя в бой... Флаг на ветру полощется. Палуба ходит под ногами, дым окутывает кормовые орудия... Пахнет углем и маслом.

Рисково идет бронепоезд. Два матроса вылезли на крышу рубки и наблюдают: где «Сокол», где этот враг неуловимый?..

Над рубкой пристрельный разрыв — «Сокол» бьет. Катятся все по местам. Боевая тревога. Командир кричит:

— Приц-лл с-с-емьдесят три-и!

Кричать приходится потому, что ветер свистит, воет — команду заглушает.

«Грозный» дает больше ходу и бьет по дальнему дыму «Сокола».

— Отдай Акимовку! Не раздражай нервных!

Пятеро пулеметчиков молча сидят у пулеметов. Один из нас заводит:

Как это ни странно,
Люди постоянно
Имеют невеселый вид...

Услышали команду:

— Эй, там, в лавочке! Огонь!

Ага...

Пулеметы затряслись.

Орудие передней площадки бьет яростно и часто.

— А ну дай, а ну дай еще! Белые шьются в балку!..

Все закругление за Мелитополем пройдено, и бронепоезд идет по прямой на Акимовку. «Сокол» кладет снаряды совсем близко, взрывается земля... По крыше рубки молотят камни и зло шуршит песок.

— Даст вот раз — четыре лапки кверху, и дух вон.

Тут не до трепатни. Струя песку с грохотом врывается в амбразуру. Снизу палуба щепится в шести местах.

— Ой, спасибо!

«Грозный» еще прибавляет ход и вырывается из поражаемого участка. Снаряды пролетают через бронепоезд, разносят насыпь...

Уже вдали виден семафор. До Акимовки осталось версты две. Белых в степи не видно. Стрельба стихает. «Сокол» опять подался назад.

Все вылезают на воздух.

— Развед-чики!

«Грозный» дает малый ход. Разведчики соскакивают и бегут проверять пути и стрéлки. От станции, навстречу нам — появились какие-то люди.

— Дунуть?

— Одень очки!

Слышим:

— Това-арыщи-и!

Подбегают к нам и неистово кричат:

— Товарыщи, бельяки втикли! Вот ось же стрéлки на путях повзрывалы. Було их пихоты три роты, по балкам втикли, а бронэвик за мост ушел. Во, на Сокологорную тикают.

Мы все это видим и знаем, но слушаем, как музыку. Мужики — среди них много старых солдат — идут цепью рядом с нами, руками размахивают и шумят:

— Ото ж лыхо було, ото ж було! Та вы це сами знаетэ. В Опанаса дочку покралы...

Мы спрашиваем:

— Флотских у вас нет?

— Та дэ там. Повтикли у партизаны вси. Кажу, дочку в Опанаса покралы, тай и нэмае аж по сэй день.

Другой говорит:

— Подходил я до их бронэвика. Так що на взгляд — орудия дюйма четыре, но разглядеть вже не вдалося.

Спасибо, товарищи, за каждое слово. Спасибо, дядько, за разведку, за четыре дюйма. Повесить могли тебя, дядько, за эти четыре дюйма; знаем, дядько, эти четыре дюйма, все знаем!

«Грозный» подошел к платформе. Обедают ребята досыта.

А по степи, с белой стороны, тачанка едет. Прикинули — что б это могло быть? Прямо к нам едет. С тачанки слез старый дед, к нам идет. Подошел:

— Кажить, добри люды, дэ здесь бильшовыки?

— Мы будемо, диду. Мы здесь бильшовыки.

— Вы будэте? Добрэ.

Повернулся к тачанке и приказал старухе, что коней держала:

— Несы сюда.

Старая женщина приблизилась. В руке несла в чистейшем полотне кулек. Стала подле деда и тихонько поклонилась нам. Дед протянул руку — взял у женщины кулек, снял шапку, очи поднял к небу и начал молитву читать — благодарение богу.

Обнажили головы и вытянулись матросы — так же, как это сделал дед. Дед широко перекрестился, подошел к самому высокому из нас — к Буке, поклонился в пояс и сказал:

— Хлиб-соль! Нэ побрезговайтэ, товарыши.

И старая женщина перекрестилась и вслед за дедом согнулась в поклоне.

Бука принял хлеб-соль, троекратно поцеловал деда и старую женщину. Тогда все накрыли головы, и дед спросил:

— Сынов моих у вас нэмае? Хведор и Семэн Крупки зовуть.

— Нема, диду. Армия прийдет — пошукаемо. Там твои сыны. Уси мужики там, диду.

Дед молвил:

— Потрапезуйтэ, сынки, вы з бою голодни. Потрапезуйтэ.

Мы сыты, но кланяемся деду:

— Дякуемо, диду. Спасибо, диду. Будемо исты, будемо коштуваты ваше печение. Заходьте, диду. Заходьте и вы, мамо.

Мы приняли стариков на пулеметной, самой просторной площадке. Устлали палубу брезентом и сделали два кресла из патронных ящиков.

— Сидайтэ, диду. Сидайтэ, мамо.

Посидели дорогие гости и все товарищи. Командир разрезал паляницу — белейший хлеб Украины, и мы стали есть, держа ладони под шматами хлеба, чтоб не просыпать крошек столь драгоценного дара.

— Вы, диду, через хронт проихалы?

— Эге ж!

В небе лопнула над нами шрапнель. Это опять «Сокол» бьет.

— Слизайтэ, диду. Слизайтэ, мамо. Бой будэ!

Дед молвит:

— Николы в бою не був. З вами пийду, подывлюся.

Дед на коней посмотрел. Шрапнель посыпала опять.

— Жинка, доглядай на коней! Отводи, шоб не вбыло!

Старая женщина поклонилась нам. Мы ответили ей, подняли ее и на руках бережно опустили на землю...

— Вертайтэся, сыночки! Вертайтэся!

— Скоро, мамо, скоро!

Шрапнель секла землю. Старая женщина пошла к коням, чтоб их не убило. А мы с дедом пошли гнать «Сокола» из Таврии.

Ленинград
1929 — 1930 гг.

ДЕЛА БЫЛЫЕ...

Талые степи Украины. Год девятнадцатый...

В вагон политотдела Заднепровской бригады бронепоездов вваливались матросы, занимая скамьи. Собрание...

— На повестке — организация Особого отдела. Районы бандитские,— бьют нас тут со всех румбов. Человек оправиться выйдет, а его в расход... Поезда под откос пускают. Приходится подумать. Слово для предложения имеет секретарь.

Секретарь ячейки встал.

— Тут одного ранило. В строю ему трудно. Пока пускай в Особый идет. Володька, встань.

Раненый встал и глянул одним глазом из-под громадного кома грязной марли, окутывавшей распухшее лицо.

Секретарь продолжал:

— Еще кандидатура Петра Попова. Они с одного корабля — с «Вани-Коммуниста». Попов, встань.

Человек встал.

Раздался голос:

— Попов, у тебя какая специальность?

— Машинист.

— Вот и верти-вали.

Секретарь докладывал:

— Вот, товарищи, им все и поручим.

— А инструкции какие?

— Какие инструкции? Чудак! Доглядай да поспевай — вот и все. Ну, возражений нет? Кто за Володичку, за Петичку?

Прогудело:

— Нет возражений, знаем их!

Петечка и Володечка остались в вагоне. С ними гроссбух и инструкция: «Доглядай да поспевай». Все вместе — Особый отдел бригады.

Штабной эшелон бригады идет к Знаменке — по степям Украины.

По степям Украины идет на Знаменку эшелон, штаб бригады, политотдел, комендантская команда и вагоны бое-

запаса — для бронепоездов. Володечки нет — подался пока «доглядать» на бронепоезд, и весь Особый отдел теперь — Петечка и есть.

В голубой зной уходят дым и грусть...

На Знаменке белые. Эшелону отрезан путь. А зной голубой, и тишина над степями родной Украины. Эшелон идет к Знаменке.

Лучистые трещины засверкали на зеркальных окнах штабного вагона. Враг бьет! Первые пули встретили эшелон.

Петечка летит к команде, поднимая ручной пулемет «льюис»:

— Вылазь все!

Пули бьют в упор. Эшелон штаба Заднепровской бригады бронепоездов — эшелон матросской бригады,— тормозя, подходит к вокзалу Знаменки, занятой кубанцами генерала Шкуро.

Эшелон стал, и неожиданность эта остановила казаков.

— Ото ж матросы, сукины дети, воны що-нэбудь удумалы.

Попов ползет по крыше раскаленных зноем вагонов... Доглядай, поспевай! Уф!.. Как выходные стре́лки поставлены?.. Вон казаки лезут... Горячо!..

И он с крыши запустил первой очередью по кубанцам:

— Куды лезете — тут для некурящих!

Петечка видит: комендантская команда держится. И затем бежит к паровозу:

— Машинист!

Из угольной лавы высунулось черное лицо.

— Машинист! Не робей, дядя! В жизни раз помирать, и то, когда сто лет будет.

Петечка бежит к концевым вагонам...

Машинист дал ход. Тронулся эшелон, и тогда вновь ударили в упор из окон вокзала и из-за строений. Попов вдруг хватается за «льюис»... Ай!.. А стре́лки, как поставлены выходные стре́лки? Эшелон уже идет. Братки из вагонов отстреливаются. А если эшелон свернет по южной ветке? А надо на запад! Крышка! Каюк, темный люк!

Петечка снова влезает на ходу на крышу вагона и бежит, перескакивая с крыши на крышу... Петечка кричит машинисту «стоп» и соскакивает у самых стрелок.

Петечка у стрелки. Стрелочник стоит на месте, кричит ему:

— Товарищи, швыдче. Усё готово. Проходите!

Петечка поворачивает назад. Добрэ, дядько! Это дело. Теперь пройдем. Факт. Фак-те-ец! Го-го! Хотя стой! Дай погляжу сам.

Петро опять у стрелки. Кричит стрелочнику:

— Дядько, ложись. Убьют казаки!

Дядько машет матросу — ладно, мол. Но Петро идет к дядьке и видит, что стрелка переведена... на юг, к белым.

— Ты что ж? А?

Дядько лезет в карман. Ясно — зачем. Попов бьет дядьку в ухо навылет. На месте. И перебрасывает стрелку. Эшелон идет, ускоряя ход, на запад, к своим!

Что у дядьки в карманах? Доглядай! Револьвер. Деникинские деньги. Погоны. Зажигалка. Бумаги... Так!

В штабном вагоне Петечка идет на прямой провод. Вызывает Володечку.

«Знаменку прошли ничего зпт особый отдел имел наблюдение тчк шли боезапас тчк».

Потом в гроссбух — в статью расходов — заносит: «Переодетый белогвардеец (офицер) под формой стрелочника пущен в расход на станции Знаменка».

Москва
1930 — 1935 гг.

БРОНЕПОЕЗД «СПАРТАК»

— Встать!

— Вста-ать!

И бойцы, повстанцы Украины, встают. Они встают медленно и грузно... В походах прилип чернозем Украины к ногам бойцов. Ноги натружены, огромны и тяжелы. Как ими идти, как ими ступать по степям Таврии?..

— Вста-ать!

Встань и ты, если наш. Встань и слушай повелительный возглас, вскаляющий кровь,— возглас, следующий по уставу, блюдимому нами,— «Встать!».

А если ты не наш, если ты враг,— присутствуй здесь и гляди на то, что произойдет. Гляди, недостреляный! Гляди, пока жив! И слушай, слушай!

Бойцы, повстанцы Украины, встали. И за возгласом «Встать!» по степи таврической лег клич:

— Вперед!

— Вперьод!

Вперед, хлопцы! Вперед, товарищи! С нами! Мы идем в ата-

ку! Мы идем брать Мариуполь. Сегодня, 24 марта 1919 года.

Ты был, родной, в атаке? Был? Дай, старый боец, руку на ходу. Шире шаг! Пошли!.. Идем сегодня снова!

А ты, комсомолец? Идем, браток. Ты много увидишь и поймешь сегодня...

По степи таврической — тяжелая поступь бойцов. Нет еще встречных пуль, но сердце бьется неровно. Что будет сегодня, что будет сегодня?

Город молчит... Море молчит... Небо молчит... Только степь гудит... Наши глотки гудят... В твою славу, за твою жизнь, Украина,— и пусть! — гудят перед нашей смертью!

Город заговорил:

— Дывись, Яким Хрущ упал.

— Хто там коло ранетых, остановывсь? А ну, вперьод!

— Дывись, Трохим Коцура упал.

— Вбыт. А ну, ходом!

Дивись, Украина! Дивись! Партизаны идут, не идут — лётом рвут. Ах, пули бьют, бьют... По наше мясо плачут, кричат. Чуешь, Украина? Чуешь, мати?!

В цепи и матросы, бригаде в помощь данные, летят. Ходом! Ходом!

Жарко бежать в атаке, тяжело бежать. Двести патронов на теле, и каждый патрон более пяти золотников.

Пули бьют, бьют... Глухим бы сделаться. А ну, не робеть! Швидче! Кто там в землю лезет?..

— Партизани! Товариство! А ну, разом, а ну, визьмем! Вперьод!

И, наискось держа винтовки затворами у глаз — хоть одна бойцу от пули защита! — кидаются партизаны к первым домам. За вильну Украину!

Опалены вражьими выстрелами брови и ресницы, и опять падают повстанцы. Умирающие дышат кислым запахом бездымного пороха. Залегли все. Сливают кровь раненые, и идет от нее пар.

Примолк город. Белые держатся.

И когда примолк,— еще раз рев по его стенам шарахнул:

— Виддай Мариуполь!

Братки хрипят:

— А ну, дай море!

От бега тяжелых ног задрожал город.

— Отдай!

— Видда-а-ай!..

Третья бригада повстанцев вошла в Мариуполь. Белых —

в пыль. Штаб бригады быстро и победно дал телеграмму: «Мариуполь занят». И дальше стучат юзы...

Что будет сегодня! Что будет сегодня!

И в тот же день, следом за атакой, паровоз по рельсам прыгает, мотается, семьдесят верст в час идет, ветер свистит,— рот и нос забивает. Стук на стыках, как пулеметный,— в одно сливается. Рви, ай, рви!

К Азовскому морю три матроса летят в третью бригаду, чтоб обстановку узнать. Машинист из окошка руку свесил, на руке стальная цепь-браслет — знак силы и верности. Машинист свой — с эскадренного миноносца Черноморского флота «Гневный».

Приазовская степь. Таврия. Морем пахнет. Чуют матросы, ох, чуют, не ошибутся! Море вновь увидят, на море глаз положат! Дай море, дай!

Дыханье азовское флотские ленточки вьет, распластаны они по ветру. На тендере матросы, на каменном угле открыто стоят, качаются, грудями воздух секут. Рви, ай, рви!

Едут матросы на дело, о судьбе голов своих про себя думают... А ветер бьет, хлещет. Камышом, тиной, рыбой, солью пахнет. Рви, машинист, прибавь там ходу,— эй!

— Под откосом будем!

— Фактéц — буде-ем. Прибавь!

— Есть прибавить!

Смех, ой, смех с такого дела! С такого хода рельсы разболтать на этой ветке можно. Петрушка выйдет. Но парни не в шалость ход прибавляют — парни о боевом приказе думают. Успеть надо.

— Который час?

— Одиннадцать.

— Час имеем.

За Волновахой на прямую к морю вынеслись. Бушлаты поскидали, к топке кинулись. Лопаты звенят, уголь в расплавку идет, глядеть нельзя. Манометр стоп кричит, парни уголь в топку садят. Скорее, скорее! Именем морской бригады путь на Мариуполь для паровоза освобожден. Прямой провод работает, телеграфисты стучат, как только паровоз мимо станции прогрохает... Прошел... Прошел... Прошел...

Рви, прибавь еще! Осатанели матросы. Машинист на манометр глядит, кричит:

— Большой кошьмар выйдет!

Ничего не слышат матросы. За руку машинист их хватает, пальцем тычет — стрелка куда за красной чертой.

— Кошьмар выйдет!

— А... чтоб ты понял — во!

На манометр бескозырку надели. И не видно, чего там стрелка беспокоится.

Парни, рви! Дело за дело идет. Свое мясо пожалеете — беда будет!

Влетели в Мариуполь...

— Который час?

— Одиннадцать часов тридцать пять минут.

Так! С ходу — стоп сделали, на землю спрыгнули. Двое матросов — по-украински балакают, один — нижегородский.

— Где штаб?

— Ось там.

Летят — шаг в сажень. Часовые стоят, на их поясах рядами висят немецкие гранаты — деревянными ручками вниз. Матросы к часовым. Часовые глядят:

— Це ж вы видкиля?

— З Александровська...

— Так. А що ж вы з Александровська?

— Трэба.

— А що ж вам трэба?

— А ну, что я с тобой буду балачками заниматься! Кличь товарищей — начальство. Ну!

— А що же я буду клыкать, як воно и само идэ.

Щус подходит, матрос черноморский со «Свободной России», вторая голова повстанья. Венгерка на братке — ярко-синяя с золотом, фуражка — с ленточкой георгиевской черноморской и шпалеруха «Стейер» в пол-аршина.

— Здоров.

— Товарищи дорогие! Гостэчки дорогие!

Не знает, как принять, как посадить.

Матросы о командире Третьей бригады спрашивают:

— Як батько?

— Батько живэ.

— Ну, и добрэ.

Вежливость сначала. Теперь пора чуть-чуть и к делу:

— Щус, як воюетэ?

— Дякую, гадов бьемо, аж пыль лэтыть. Зараз бой хранцюзам даемо... У порту — эскадра...

«Мариуполь занят»... Но в порту французская эскадра. Не тороплива ли была телеграмма Третьей бригады?

Дальше разговор:

— Знаем. С того, друже, и летели сюда. Как там на эскадре?

— Ультимату́м — им — с Красной Армией дали, шоб убырались к боговой матери.

— Так, лихо им в рот!

— Порушимо. В двэнадцять годын по хранцюзам огонь откроемо з вашего бронепоезда, як з Мариуполя нэ повыкатяться. Вы тилько доглядайтэ за бронепоездом. Воны там аутономыю разводьят... Бис их знае, що воны думають... Ескадры, мабуть, пугаются...

Бронепоезд «Спартак» — недавно сформирован — по портовой ветке пошел. Партизаны глядят:

— О, идэ!

Три товарища с паровоза идут на «Спартак» и дают пакет командиру бронепоезда. Три товарища летели с пакетом потому, что прямые провода во фронтовом районе — нам не гарантия.

В двенадцать часов, в полдень, истекает срок ультиматума, от имени Красной Армии предъявленного командованию французской эскадры: «Красная Армия требует очистить Мариупольский порт. Красная Армия требует прекратить погрузку угля на французские суда. Уголь — достояние Украинской Советской Республики».

Ответ гласит: «Французская республика. Правительству России в свое время были предоставлены Францией суммы, кои не возмещены, и принимаемый по необходимости военного времени уголь из запасов Мариупольского порта является компенсацией, получаемой Францией за означенные выше невозмещенные суммы, как упомянуто и как подчеркивается повторно, в свое время предоставленные ею правительству России. К сему командующий французской эскадрой.

Рейд Мариупольский. 24 марта 1919 г.».

Ответ на ответ гласит: «Суммы, упоминаемые командующим французской эскадрой, предоставлены были правительству царской России, но не правительству Советской Республики. И потому за этими суммами надлежит обращаться именно к тем, кто эти суммы получал. Напоминаем свое требование: в 12 часов сего числа французским судам надлежит сняться с якорей и покинуть Мариуполь».

Ответ гласит: «Французская республика. Доводится до вашего сведения, что погрузка угля будет продолжаться. К сему командующий французской эскадрой».

«Спартак» стоит. Эскадра в порту. В бинокль видно — уголь грузят. А уголь донецкий, знаменитый. Угля этого в Балтике ждут, угля этого заводские кочегарки Украины и России ждут!

В двенадцать часов будет решение дела. «Спартак» по-

ступит согласно революционной необходимости. Пакет-приказ доставлен. Три товарища об этом просили, и обещала команда — выполнить.

Щус спросил:
— Ну, як? Выполнят?
— Выполнят.
— Без аутономыи?
— Все будет в порядке.

На «Спартаке». Часы вынуты. Снаряды из гнезд погреба вынуты. На случай боя в городе, если будет французский десант, гранаты ручные вынуты. Пулеметные ленты из ящиков концами вынуты.

У носового орудия матросы стоят. На корабли Франции смотрят.

— Стоят, гады!

Матросы и ругаются и любуются кораблями Франции, скользят глазом по бортам, мачтам и трубам... Фартовые корабли! Дадут залп — бож-же мой! — пропадешь... Мысли сразу являются на этот счет...

— Сколько осталось?

— Без восьми.

— Охо-хо!.. Фартовые корабли! А наши — потопленные в Новороссийске лежат... Ы-ых!..

Стоят французы один в один — миноносцы и транспорта. Горят, блестят — красота, помереть можно! Комендоры спартаковские тихо на скрещение нитей прицела самую красоту эту и блеск уже взяли. Взяли исподтишка. Приходится... Да, вот: хорошо, удобно брать прицел, когда у противника блестят корабли, когда спасательные круги белеют отчетливо, когда медь горит.

— Ну как?

— Без семи.

К бронепоезду Щус подходит:

— Здоровэньки булы, хлопцы!

— Здорово, Щус.

Поглядел. Видит — готовятся. Улыбается Щус — боевой, дьявол!

— Гарнэнько. Як там, товарищки, скильки осталось?

— Пьять минут.

— Поковиряемо! (Видит — лица боем не горят.) Хлопцы, вы не бойтэсь... Вы ще нэ бачили, яки ми бои на Украине приймали! Потроха хранцюзам пораскидаемо. Никому угля не дамо. Партизаньский уголь. Ми им нагрузимо!

— Щус, дай по банке!

— Могу усю команду угостыть. Тилько постарайтэсь.

Дернули по банке, кишки ожгли. Хорошо!

Балакают со Щусом, на часы поглядывают.

Партизаны берегом вперед выдвигаются — на эскадру цепью идут. Лихие хлопцы!

Петр Попов к прицелу орудия прилип. Минута осталась.

— Глаз выдавишь, Петро!

— Не бойсь.

Глядит Щус на эскадру. Оценивает. Сам моряк. Петру Попову командует:

— Наводь, на полный!

— Есть.

Коротка минута. Поглядишь и дашь приказ — и истекла минута.

На часах двенадцать.

Полдень!

Полдень!

Корабли французские уголь грузят.

Полдень!

Даже не видно, чтобы на палубах кто-нибудь к концам вышел.

«Спартак» стоит, не дымит — кочегары дело знают в совершенстве. Тут за один дымок — с кораблей плевок, и ваших нет. Действуют поэтому кочегары как надо. Пропадать неохота. Из трубы только теплый воздух, а дыму нет. Уметь надо.

Щус командует:

— Хлопцы, а ну, вдарьтэ!

У-ух, считай остаток жизни, французский адмирал!

Щус — матрос черноморский, рука повстанья Украины,— огонь с бронепоезда открывает, всей Антанте вызов бросая!

— Вдарьтэ, хлопцы!

Даже не шевелятся матросы.

— Огонь, кажу, хлопцы!

И не глядят матросы.

— Огонь, хлопчики! Партизаны ждуть!

И не глядят матросы.

— Що ж вы — не подчиняетэсь? А?

— Не кричи. Ша!

Помолчал Щус, и желчь в рот пошла.

— Измэна! Пострелять усих. Пьяни?

— Не кричи на ветру. Простудишься.

Щус командира бронепоезда в грудь бьет. Долой такого командира!

Щус командование берет на себя. Во имя повстанья! Во имя вольности Украины!

Щус другого в грудь бьет:

— Кацапы!

Попов от прицела отходит. Щусу нос на сторону сворачивает, сурик из этого носа пускает, за волосы держит, в ухо дает, в морду Щуса, как в бубен бьет, о броняшку стукает и просит:

— Не авраль.

— А-а-а-а-а!..

— А не кричи.

— А-а-а-а-а!..

— А не кричи.

Приказ штаба Третьей бригады не выполнен матросами.

Ты улыбаешься, враг? Ну, кричи: на командование бригады матросы руку подняли! Ну, кричи: предательство!..

Кого побили? Щуса — второго в Третьей бригаде, руку повстанческих сил Украины побили!

Ой, быть человечьей смерти! Ой, быть человечьей смерти! Гнев качает Щуса...

А матросы меж собой разговаривают:

— Выкинь его за борт.

Сбросили.

Потом:

— А ну, подымись! Подыми головку, скажи «а».

И тут сорвали с фуражки Щуса ленточку. Оскорбили насмерть.

Ой, быть человечьей смерти!..

Гнев качает Щуса!

Щус бежит, кровь свою пьет.

В штабе повстанцев зубами скрипят: кого побили — Щуса!

И к повстанцам весть бежит: «Измена!»

12 часов 10 минут.

Эскадра стоит. Уголь берет. На ультиматум Красной Армии крест кладет.

Что делать, товарищи? Сейчас — прикинув — будем действовать...

Щус в штабе бригады шумит:

— Продалы! На часы смотрите! Двэнадцать часов пятнадцать минут! Продалы матросы.

12 часов 16 минут.

В штабе бригады решенье; диктует командир Третьей бригады Нестор Махно:

— Бросай бригаду на бронепоезд. Давить изменников всих чисто!

Кричит сигнальщик на «Спартаке»:

— Сходни убирают!

— Так!

— К концам идут!

— Так!

Корабли французские покидают порт.

Дым стелят черный и уходят в него. Не видно в дымовой завесе кораблей.

Прикинуть, я говорил, надо. Ведь могут же часы у французов отставать или у нас спешить. Бывает же?..

Действовать, я говорил...

Спартаковцы тихо и не спеша садятся обедать на палубе — орудийной площадке. Сегодня макароны. Ну, и макароны наварили, ай, макароны!

Сели товарищи. Лица их безмятежны... Боем не светят... Чья-то мысль в эти лица бьет: «Боязливо выждали!»

Не надо, товарищ! Кто сидит, знаешь? Ведь не видно, не написано... Коммунары сидят, военные моряки Волжской военной флотилии, старые матросы.

Первый: командир бронепоезда Степанов, краснознаменец дважды, ибо на груди у него ордена и корабль его — сторожевик «Борец за свободу» — имеет флаг с орденом.

Второй: Попов Петр, машинист самостоятельного управления с краснознаменного военного корабля «Ваня-Коммунист» № 5. По требованию необходимости — ныне у орудия. Трижды ранен, и раны его — из первых в революцию ран матросских.

Третий: Донцов Михаил, с краснознаменного военного корабля «Ваня-Коммунист» № 5. Будет товарищ убит в бою с Шкуро в июне 1919 года. Отдайте больше, чем он!..

Сидят коммунары...

Фыркнул Попов, и макароны фонтаном изо рта вылетели:

— Ой!.. «Наводи, говорит, на полный...» Адмирал Щус...

Ржут парни.

— А он Юхименко ударил и кацапом назвал!

— Ну, и кацап! Юхименко, чуешь, ты кацап!..

— Го-го-го!

— Пьяные, говорит... Ай, дура! С одной банки — матрос пьяный?!

Михаил Донцов чешет:

— Щус, пожалуй, на тебя обидится, а? Смотри, Петро.

Попов гудит:

— Ну, а что он мне сделает? Не скажет разве завтра «доброе утро»? А? Дела! Ой, братва, макароны, ну и макароны сегодня!

Обедают товарищи боевые, уплетают макароны коммунары. Про эскадру вспоминают. Ничего эскадра, солидная эскадра, красивая эскадра республики Франции. И ход хороший, быстро от берегов наших смывается.

Опять мысль чья-то: в чем же дело?! Как же так?

Разберем.

У товарищей боевых глаз веселый — обработали дело. Еще раз командир бронепоезда секретный пакет, с паровоза доставленный тремя товарищами (двух убьет — один довезет, вот трех и послали), перечитывает:

«Имея в виду огромное превосходство противника и сложность обстановки, ни в коем случае первым не начинать артиллерийского боя, ибо в этом случае Красную Армию французское командование обвинит в предательском нападении и извлечет из этого пользу. Вызвав противника на ответ, мы поставим Мариуполь в опасное положение, будут напрасные жертвы среди населения, возникнут пожары, и, возможно, пострадает и бронепоезд — единственный на участке Третьей бригады. Действовать поэтому осмотрительно, не сообщая о сей инструкции махновцам, иначе они сами откроют огонь, и не поддаваясь требованиям махновцев, склонных втягиваться в операции без расчета. Командование рассчитывает добиться ухода французов мерами переговорными, имея в виду общую обстановку, вынуждающую союзников к отступлению.

В остальном вам надлежит действовать строго сообразно обстановке».

Есть, так держать!

Эй, радовавшийся предательству! Гляди, что будет еще впереди!

А ты, браток, понял?

Ветер спал. «Спартак» стоит, коммунары макароны убрали, доели, утерлись, покурили. Жизнь! Зачем и помирать!

Команде — по Морскому уставу — положено иметь время послеобеденного отдыха...

Нежнейше овевает всех бриз с моря. Нежнейше в тишине

дня гитара заиграла «Страдание»... Струны источают тончайшее и грустное, сладкую печаль на матросов наводят, и головы их к броне клонятся... И кого-то жаль, и кого-то нет...

И необъяснимы мысли у матросов, такие неясные, неопределенные — шевелится затаенная боль...

Кто там играет так, гэй?! Отчего печаль?

Играет Петро Попов. Возит с собой гитару, укутанную в кожаную тужурку, чтобы при стрельбе не побилась. Гитару возит везде и, когда руки не заняты орудием, вынимает ее, расправив нежный бантик на грифе.

— Слабость у вас, товарищ, слабость к мещанской гитарке, а еще партиец и военмор!

— Правда ваша, строгий и точный товарищ, что же делать? Слабость!

Петро меланхолично уже «Марусэньку» играет. Товарищи слушают, стараясь не шуметь.

Играет Петро. На гитаре бантик нежненький и надпись трогательная: «От Реввоенсовета Республики. За штурм Казани 10 сентября 1918. Команде военного корабля «Ваня-Коммунист» № 5».

Трое матросов, что из Александровска, до Щуса идут — в штаб Третьей бригады.

— Щус, давай говорить.

— А ыдыть вы, пока я вас всих не пострилял!

Ходит Щус по комнате, морду руками поддерживает. Кольца на пальцах.

— Да ты не горячись, чудачка ты, Щус.

Щус кольт вынимает, в упор в одного бьет, а пуля мимо — в стенку идет. Матросы к стенке — смотрят, хвалят:

— Вот здорово!

— Ой, дирочка!

— Дирочка, как у курочки! (И медленно, так, между прочим.) Щус, ты, может, думаешь, что мы этого делать не умеем?

И видит Щус шесть глаз, как шесть смертельных дыр на теле своем. Щус тогда садится. Дверь открывается. Махновский палач входит:

— Чего шумэлы?

— Так.

— Щус, дэ арестованных вэсти?

— Котори направо сидьят — постриляй, Костичька; котори налево — до батька на разборку.

— Добрэ.

— Потим придешь, доложишь, Костичька.

— Добрэ.
Вышел.
Матросы опять:
— Щус, брось, вот взял — в бутылку залез! Брось! Ну, поспорились — помирились. Эскадра ушла же.
— Та ще подывлюсь, як воны мырытьця прийдут... Воны у менэ сльозами вмываться будуть! Я им кипятку в душу поналываю!
Дверь открылась. Махновский палач снова вошел:
— Вже. Котри налево булы — пострилял, котри направо — построил, до батька вэду...
— Ошибка в тебэ, Костичька, выйшла. Трэба було пострильять тих, що направо.
— От-то ж бис попутал! Ай, и попутал!.. Ну... Шо ж, добрэ.
Ушел.
Матросы опять:
— Щус, давай — по-доброму. Гад будешь... Что мы на тебя зло имеем? Да умереть на месте!
Задание выполняют свято.
— Та и я, мабуть, зла на вас троих нэ маю... Тилько ции спартаковськи каммунисти жить нэ будуть.
Дверь открылась. Махновский палач опять вошел:
— Вже пидправил. Котри направо булы — пострилял.
— Так. И тих и тих пострилял?
— Эге ж. Воны уси контрики. И з дочками своими. Воно и так по карточкам видно.
И два колечка Щусу отдал. Маленькие колечки. На мизинец не влезут Щусу.
С моря выстрелы. В чем дело? Но со Щусом разговор надо вести — инструкция о нем говорит, а не о выстрелах.
— Щус, мы до партизан пийдэм,— поговорим.
— Идыть, идыть. Як за каммуну рот раскроетэ, зараз и проглотыте свынця. (Спохватился и ласково.) Вы, хлопцы, говорыть, за анархыу, за мать порядка. Щоб нэ було властэй, ни якого насылля. Костичька, иды соби, бильше тебья нэ трэба. (К матросам.) Переходыть, хлопцы, в анархыу, й-бо!
Матросы на лицах раздумье изображают. Все нужно уметь...

Слушайте,— если надо для дела,— знаете, на что мы способны?.. Я много вам скажу теперь, когда стал книгами говорить о бойцах первого призыва революции... Я день за днем покажу два десятилетия, создавшие нас...

На берегу стоят партизаны. Гул идет. Спартаковцев смять хотят. Без огня французов упустили! Продажа!

Трое матросов до партизан идут, наганов с собой не берут.

— Га-а, кацапня идэ!

Идут матросы. Загоготали партизаны:

— Коммуныстам в хронт! Гэй!

Один матрос говорит:

— Товарищи, здравствуйте! Мы расскажем вам...

— Про то, як Щуса вбыть хотелы? На партизан пийшлы!..

— Хранцюзам тикать далы! Упустилы!

— Измэна!

— У-у, вражья сила!..

— Товарищи, дайте говорить. Мы вам обрисуем...

— Рисуй жинке по пузу!

— Воду варыть будэте? Душа вон!

— Та што там, бэй их!

Один партизан винтовку навел. Из трех матросов один — украинец — говорит:

— Стриляй, хлопче! (За ворот свой голубой взялся.) И утопысь у крови моий и товарыщей моих. Хай вона, кровь моя, тут у моий Марыупольщины уся выйдэ.

Стоит партизан, на матроса глядит и говорит:

— Хиба ты мариупольский?

— Мариупольский.

— Мабуть, брэшит? А ну, перекрэстысь.

— Ни, не перекрэщусь.

— Чого?

— Бог с довольствия в нас снятый.

— Гы-ы!..

Один кричит:

— Хлопцы, брэшет матрос, який вин марыупольский!

Другой подходит, в лицо матросу глядит:

— Ни, нэ брэшет... То Павло, хромого Нечипора сын с Мангуша. Вин у моего дядька наймытом був...

— А тепэрь дывысь, який цаца!

— Та брось — то ж хворма флотцка...

Тут корабли Франции по берегу страны — войны Франции не объявлявшей — огонь открыли. По горизонту желтые вспышки прыгнули. На берегу дерево взлетело на воздух... Морские орудия берег рвут...

Упал еще залп. И в пыль обратился один дом. Удирают

партизаны боевые, залегли в канавах. Еще залп упал. И еще один дом раскололся...

А что было бы, если бы в двенадцать часов тронули эскадру Франции и она открыла бы огонь в упор?! Ну?

«Спартак» в стороне стоит. Попов на командира смотрит. Командир на Попова смотрит. Оба на машиниста и кочегара смотрят. Все ясно.

«Спартак» дымить начинает. В небо черный, как тучи ночные, дым пошел. Кочегар, что делаешь?!

Что делает? Показывает эскадре место «Спартака».

Как?!

Так.

«Спартак» на себя принимает огонь эскадры. В этом есть революционная необходимость: нельзя допустить истребления партизан, нельзя допустить гибели рабочей слободки и потери угля. Ясно же говорится — и это наш закон — «действовать строго сообразно обстановке».

Матросы у орудий стоят. Стрелять нельзя: из 75-миллиметровых снаряды не долетят до эскадры. Но под обстрелом стоять можно. И шире, и выше, и выше черный дым «Спартака».

По горизонту желтые вспышки мечутся. И через четыре минуты залп кораблей Франции ударил по «Спартаку». Степанов, Попов и Донцов, когда пронесло грохот, гарь, пыль и дым, переглянулись без улыбки. Какая улыбка — убить может сейчас! Какая улыбка — сердце стучит! Какая улыбка — жалобно о себе думает каждый! Какая улыбка, когда страх убивает... Но — замечен дым — стреляют по нас!

Один французский корабль приблизился... На сорок три кабельтова подходит... Сорок три кабельтова ставит на диске прицела Попов.

— Товсь!

— Залп!

Стекла посыпались в домах. Гильза упала. Пороховым газом понесло. Гремит на море.

Дыханье азовское ленточки вьет, распластаны они по ветру. На палубе «Спартака» матросы с эскадрой Франции бой ведут.

— Перелет! И лево!

— Сорок два!

Сорок два кабельтова ставит на диске Петро. И десять делений право берет орудие.

— Товсь!

— Залп!

Опять стекла посыпались. Гильза упала. Опять залп с моря упал. Дым французского разрыва с дымом «Спартака» смешался. Броня гудит. Кричит наблюдатель:

— А, запарил! Запарил!

Кричат:

— Уткнулся, стоит!

Вторым снарядом подбил «Спартак» корабль Франции. Спасибо флоту российскому за артиллерийскую выучку! Давай крой дальше, «Спартак»!

— Петро, крестников во Франции завел!

— Го-го!

— Товсь!

— Залп!..

Цел порт, цел уголь, целы партизаны, цел «Спартак». Повезло двадцать четвертого марта товарищам боевым!

Повезло?

Расчет, товарищи!

Ночью пишет один из трех матросов:

«Комиссару бригады бронепоездов. На то, что делается в бригаде Махно, необходимо нам обратить самое серьезное внимание. Те «львы» создают угрозу, и свободный дух течет не в тех берегах, не в том русле, каковые требует жизнь. Анархистические элементы в настоящее время разлагают бригаду, и нам предстоят опасности большие, ибо тут определенно говорят: «Бить коммунистов». Еще: людей убивают, хотя бы и контрреволюционных, но без суда и следствия, что не соответствует взятому Махно имени-марке «Красная Армия». Когда мы переговаривались, то была против нас со стороны адъютанта Махно стрельба и был таковой же случай через час в одном полку, но остановлен нашими разъяснениями. Герои-бойцы батьки Махно заблуждаются. Необходимо доказать, что партизаны ослеплены в деле понимания идеи революции. Работу таковым курсом ведем и просим с политотдела литературу. «Спартак» поддерживает и имел бой с эскадрой, но на провокации не пошел, и поэтому был инцидент со Щусом, несколько потерпевшим. Имеем цель, как удастся, насчет угля принять меры».

Пишут матросы на палубе...

Дыхание азовское ленточки вьет, распластаны они по ветру.

Ночь спускается, укутывает родную Украину тихо, тихо. Матросы не спят. Море вновь взято, на море глаз кладут матросы. Ночной ветер ленточки колышет. У орудий на бро-

невых рубках матросы вахту несут... Волна рядом плещет; камышом, тиной, рыбой и солью пахнет... Часть товарищей с боем возвращенный уголь грузит. Грузят Харькову, грузят Питеру, Балтике эшелоны угольных пульманов.

Служба родимая! Погрузка угольная!

Ночью телеграмма идет: «Мариуполь занят Красной Армией».

Последние два слова — гарантия.

Красная Армия! Померкло солнце в глазах твоих, враг!

Ленинград — Кронштадт
1930 г.

ПОХОРОНЫ

В бою кончили жизнь двум партизанам украинским, за околицей местечка, у плетня. У того же плетня двое гайдамаков лежат. Прибрал добрый человек с дороги и тех и других.

Вечером с конной разведки командир возвращался. Споткнулся, не разглядел, ругается:

— Понабросалы добра гайдамацкого пид ногы. Захоронить их, ну, хлопцы!

— Добрэ.

У хозяина лопату взяли, пошли. Четырех понесли. Несут, а навстречу вторая рота. Хлопцы гайдамаков увидели, зубы скалят:

— Носыть вам — не переносыть.

— Ты не гавкай, бачь — и наши тут!

— Ну?

— Ий-бо, дывись — Петро Журба.

— Ой, лыхо!

Петро Журба и Павка Чигон мимо своей роты к яме близились.

У роты командир отряда стоял. Партизаны на батька́ своего не смотрят, куда-то в сторону говорят:

— Ото и конец Журбе...

— Знайшов щастья...

— Заховають з гайдамаками...

— Ривный конец на цим свити усим людя́м.

Батько стоит, слушает, свою думу думает: Журба, Журба, дэ тебя носыло, да нэ пронэсло, друже мий, братэ. Бра́тэ ридный.

В одном полку с тринадцатого года батько с Журбою. В одном полку на Карпаты ходили, в одном полку хлоп-

цев на Украину гуртовали, в одном лесу партизанами стали.

Думает батько: унесли Журбу и Чигона, унесли гайдамаков. Один конец на этом свете всем людям — вторая рота так говорит.

Бьет батько плетью по сапогу:

— Хмара!

— Ось тут.

Вырос Хмара.

— Хмара, местэчко облазь — як змий, облетай — як птиця. Шукай наикращих цырульников, шукай у буржуев билье з тонкого полотна, шоб як воздух тонко було и выстирано — и рубашки, и пидштанныки, и портянки...

Хмара видит — батько загулять удумал, дым пустыть. Го-го! Партизанам шоб печали не було.

— Добрэ, батько, зáраз!

— Слухай... Шукай аптекаря — и до мене пулей.

Хмара знает: у аптекарей спирт и порошки есть...

— Добрэ.

— Шукай червони ленты у дивчат, або дэ в магазыне.

Хмара знает: с лентами на тачанках гульба в полный карьер была. Го!

— Добрэ.

— Шукай, у баб спрашуй, бумажных розанов, котри втыкают, як пасхи святять...

— Добрэ!..

Хмара полетел, наган в руке, буржуев шевелить. Ну! За Хмарой — шестеро. К цирюльнику стучат:

— Именем закона!.. Ну! Видчини хату!

Вошли.

— До батька собырайсь. Бэри уси брытвы, уси ножницы, уси помазки, усе бэри. Батькови красоту сделай.

Аптекаря тащут:

— Уси порошки бери.

— Так тут же аспирин!

— Бери — кажу!

— Так вам же...

Наган в ухо:

— Ну?!

У буржуев комоды пораскидали:

— Билье, шоб тонко, як воздух... Пидшанныки е, рубахи е... Портянки дэ?

— Портянок нет...

— Як нэмае?

— Возьмите, сколько вам надо, носки или полотенца... Салфетки.

— Батько казав — портянки... Ну, добрэ, бэрыть салфэтки.

Червоные ленты нашли, нашли розаны пасхальные: у дивчат, у баб. Отдают, спрашивают:

— Та на що ж вам, хлопцы, цэ сдалося? Рождества щє ж не було.

— Батько казав, дивчиночка. Шо батько казав — зробы, або в могилу... Як тебе зовуть, дивчиночка?

— Катрына.

— Свитик, Катрыночку!

Хмара кричит:

— Пийшлы!

Летят по местечку хлопцы — семеро, тащат цирюльника, аптекаря, ленты, цветы бумажные.

Батько стоит, и все роты стоят. Ко второй — всех вызвал. Костер запалили. Батько над костром стоит, на хлопцев глядит:

— Партизаны, товарищество! Як неслы Журбу та Чигона в могылу, казали хлопцы: ривный конец на цим свити усим людя́м. Хлопцы! Чи так, чи нэ так?

Молчит отряд — черт его знает, что батько удумал.

— Хлопцы! Цэ нэ так! Товаришши дорогие — смерть не одна на цим свити. Як погибае гайдамак и той, кто руку на народ поднимае,— нема ему ласки. Як погибае червоный боец — наикраща смерть и про цю смерть народ не забудэ. Хлопцы, будэмо ночь стоять, всю ночь,— Журбе и Чигону караулом.

Подозвал Хмару.

— Зробыл?

— Ось (рукой Хмара показал на всех: цирюльника, аптекаря, хлопцев с бельем, лентами и цветами).

Батько цирюльнику говорит:

— Товарищей Журбу и Чигона поброешь и волоса подстригёшь.

И понесли товарищей Журбу и Чигона обратно — несут мимо всего отряда тихо, к хате...

Батько команду дает:

— Слу-шай, на краул!

Несут дорогих товарищей... Снег хрустит, дым от костров к небу подымается...

В хату внесли. Цирюльника в хату послали. Аптекарь стоит:

— Так я не знаю, зачем мертвым аспирин?

— Який?

— Так вот все забрали.

Батько к Хмаре:

— От-то дурный ты, Хмара... Аптекарь — шоб обмывать да наблюдать, як переодевать хлопцев будуть. Идыть, товарыщ аптекарь, в хату...

Свет засветили, на столах уложили товарищей дорогих. Раздели, обмыли, белье чистое надели. Цирюльник боится брить.

— Та нэ бойсь, та цэ ж наш Журба, та цэ ж наш Чигон.

Намылил цирюльник щеки и подбородок Журбе.

Постриг, обрил обоих, умыл лица. Хлопцы просят:

— Вусы пидкрути.

Усы подкрутил. Бабы стоят, плачут.

— Бабы, то ж Журба наш.

Плачут бабы:

— Сыночку риднесенький...

Под окнами, лицом к хате, отряд стоит, не шелохнется. Винтовки к ноге взяты. Костер сзади светит... Почистили от грязи и крови хлопцам убитым всю одежду, утюгами прогладили, зашили. Сапоги вычистили. Вычистили — плохо.

— Хлопцы, блестять чоботы, да покапано.

Блестят сапоги, а по блеску — тусклые капли. Чистили — плакали.

— Хлопцы, що ж так плакалы? Плачьтэ на сторону, шоб блестэло.

Костер горит все ярче и ярче. Народ идет со всех сторон на огонь.

Одели, заправлять стали. Хмара в этом толк знает:

— Пояс бэрить туго. Шапку набок. Ленты по груди пропускай.

Мужики гробы принесли... В гробах — тонкие полотна подостланы. Цветами бумажными их украсили.

Уложили Журбу и Чигона в те гробы и понесли их из хаты.

Отряд шапки снял.

Обратился батько к народу:

— Товаришши! За Украину бьемось, за вас бьемось! Журба и Чигон у нас убитые... Добрые бильшовики, добрые солдаты булы. Наикраща ця смерть, не забудэмо их! Поховаемо их тут, и шоб виками памьять була и шоб береглы могилу!

Подошел батько к гробам, посмотрел на убитых, последнее целование дал.

Идут к гробам люди — мужики, парубки, бабы и дивча-

та,— целуют Журбу и Чигона. Идут со станции железнодорожники, с бронепоезда — матросы.

Свет от костров...

Отряд стоит...

В чистые, крепкие губы целую и я товарищей мертвых своих.

Ленинград
1930 г.

ПЕСНЬ БРАТЬЯМ МОИМ, МАТРОСАМ-КОММУНАРАМ

Если счет с Октября — по четвертому году служат матросы Революции... 1920 год уже идет...

Сколько их было в 1917-м! Уходит отряд из Кронштадта...

Черная с золотом цепь матросская не умела ложиться и флотским великолепным шагом — ритм волн — била землю. Не бояться! Не бояться! Идут матросы в бой, и горят золотые имена кораблей на ленточках бескозырок. Встретился им на Каме полк офицерский — «Непобедимый» — Колчака. Одну ночь просит черная цепь, идет — и нет больше «непобедимых». Заплакал тогда Колчак. Мужская же слеза дорога и редка.

Еще шестью триста ушло. Синие воротники, ветром колеблемые, и опять черное с золотом... Прощай, Кронштадт родимый!

Ни один не вернулся в Кронштадт. Легли все в Предуралье, у Кунгура, под селом Кузнецовским — в холодном лесу. Шестью триста — первый кронштадтский морской полк.

Какое дело, пойдут другие — живые!

Еще отряд ушел — на Волгу. Могил не осталось, по теченью один за другим пошли матросы.

Какое дело, пойдут другие — живые!

Еще девятьсот ушло. Старой славы георгиевские ленточки вьются, и золото над глазами... Черноморцы! Держат винтовки на руку, проходят в девятнадцатом году Украину и Крым. Здравствуй, родимый Севастополь! Наша бригада пришла!

Деникин и Петлюра послали корниловцев, дроздовцев, марковцев и сичовиков. И в живых нас осталась едва треть. Шестьсот не вернулись из боев. Нет бригады.

Какое дело, пойдут другие — живые!

Слушайте! Если даже только один матрос будет жив — не

считайте флот конченным, а моря наши отданными. Присягу помним.

Клянемся памятью Миши Донцова с военного корабля «Ваня-Коммунист». Тело Мишино, потеряв братка, мы отбили у генерала Шкуро под Запорожьем и похоронили на станции Долгинцево. И там клялись.

Клятву данную держим.

В августе 1920-го вышла очередь двум матросам Черноморского флота. Попали они в Николаев.

Пустынен порт. Нет кораблей. Море чужое. Крым не наш.

Какое дело — будем соображать!.. Партия ведь дала указания.

Николаев. Комната оперативного отдела штаба морских сил Юго-западного фронта... Морских сил?

Эх! Не у нас морские силы, пока у нас только вывеска.

Рычит белый линейный корабль «Генерал Алексеев». Двенадцать двенадцатидюймовых орудий сверкают...

«Товсь! Залп!..» «Товсь! Залп!..» «Товсь! Залп!..» — сотрясается оборона Очакова.

Какое дело — терпи, браточки!

Какое дело — не сходи с ума, матрос! Партия соображения требует.

В комнату оперативного отдела, где комиссаром Иван Дмитриевич, входит старый друг. Глядят, сердца забились — черноморская же кровь! Браточчик, родниныкий, Алешьша!

— Годочик! Ванничка!

— Откуда, божьжи мой — совсем живой?

— Поколесил... Типерь на море. По степу стоп плавать. Давай дело.

На море? А что можно делать на море? Пустынен порт. Нет кораблей. Море чужое. Крым не наш...

— Помнишь — Корнилова шлепали?..

— В одной коечки спалли!..

Говорят матросы, в глаза глядят, счастливы — есть им о чем говорить. Один другому раны перевязывал под Белгородом. Зимой семнадцатого.

Встал Ванечка:

— Подожди — прикрою дверь.

— Чивво?

Мигнул Ванечка:

— Спецы.

— Ага.
Прикрыта дверь.
— Иди ссюда.
Смотрит Ванечка на карту. Врангель идет на север.
— Давай вникать, чьто тут сообразить можьжно.
— Вникнем.
— Я рассчитываю, чьто положьжение серьезное.
— Ясно же ж, божьжи мой!
Соображают два матроса. За окном Черное — чужое — море. Дымит далеко кардиф чужих эскадр. Британские эсминцы типа «W» и «V» дают за тридцать пять узлов. Французов нужно учесть. Нужно учесть, что и Врангель имеет флот: десятки судов.
— Да-а...
— Надо, Алешша, белым сделать разложьжение.
— Подходячая мысль. Клянусь честью!

Подпольные наши комитеты в Крыму ждут помощи. Нужны люди, средства, оружие! И чтобы сказать об этом Центральному Комитету — из Крыма пробираются люди, идут на пулю.

Два матроса на партдирективу ответ дают: дают телеграмму в ЦК КП(б)У и Реввоенсовет Южфронта. В Харьков. Предлагают себя на большое дело. Совершенно секретно.
До ЦК в этот же час добираются посланцы из Крыма. Нужны люди, средства, оружие!
Хорошо, товарищи. Вопрос будет поставлен, тут как раз есть одна телеграмма. Берите матросов! Тех, которые были среди девятисот, на две трети погибших за революцию.

На всем этом деле Ленин — был конец июля — резолюцию написал: «Сделать, что можно».
В Харькове идет настоящий разговор с товарищем Феликсом Коном — заведующим Закордонным отделом Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины.
Говорит старый большевик о партийном деле. Партия свой опыт передает двум бойцам. Потом о технике разговор:
— Уверены?
— Так мы ж, товарищ Кон, матросы.
— А все-таки не подведет техника? На простой, нерассчитанный бросок ЦК не даст согласия...

— Божьже мой — сообразим!
— Скажите точно: вы гарантируете?
— Гарантью даем, божьже мой.
— Отлично. До свидания, товарищи, всего лучшего. Секретариат оформит.
Встал, жмет руку.

В карманах мандаты ЦК и Реввоенсовета Южфронта. В головах план действия.
Говорю — пока есть в живых хоть один наш матрос — не считайте море отданным!
Едут два браточка в Таганрог. В Таганроге много друзей. У одного лицо покорябано пулей, другой оглох, третий хромает, четвертый сипит, но все, как один, прекрасны, и золото горит над глазами, и флотский шаг великолепен.
Ванечка и Алеша от партии на большое дело идут. Обдумали они.
— Беррем подходячих?
— Беррем.
— Совершьшена своих.
— Тольки совершьшена своих.
— Кончено.

Никто ничего не знает о деле в Таганроге. Браточки же в базе сосредоточены. Был там у нас из грязеотвозных шаланд в двадцатом году флот сделан. Не очень красивый, но раз пять гонял белых в Азовское море...
Идут, гуляют Ванечка и Алешечка по Таганрогу.
Поймает глазом старого братка Ванечка или Алешечка, кричит через площадь или с набережной:
— Кол-ля!
— Есть!
— Ето ты или твоя коппия?!
— Я... Стой — Ван-ня! Тты?!
Сойдутся.
— Дай пять!
— Живой еще?
— Пытаешь!
Вспомнят за родненький Сывастополь, за Одес, за усе берега, за Мурочьку-кошичьку, за Продольную...
Эх, парни были!
Ваня промолвит:
— Потопаешь со мной?
— Кудда?

— На риск. Кой-чиво есть. Больши ничиво не скажю.

Подумает Коля, каблуком стукнет, клешем — а клеш на семьдесят пять сантиметров — тряхнет:

— Вирра якоры! Топпаю!

Бумажечки оформят — раз-раз. Матросов десять взяли. Проверенные, совершенно свои. Тюху, да Матюху, да Колупая с братом такие дела не посылают делать.

В Ростов — в штаб Кавказского фронта!

В штабе очень интересуются. Но, извиняюсь, нельзя много всем знать.

Подпольные комитеты Крыма — сколько там необъяснимо сильных людей! — могут из-за одного слова пропасть!

— Вы нам тольки содействие окажьжите. Это главное.

— Хорошо.

В Ростове якорь отдали пока. В комнате у браточков тихо. Все в сборе. Дверь закрыта, окна наглухо. Жара — спасу нет. А открыть нельзя.

— Товарыщи — о дальнейшей цели. Между нас будет договор. Если кто одно слово скажьжет, дажьже самому лучьчему любимому товарыщу, дажьже по партии — не то чтобы бабе,—без суда бьем наповал, и обиды, пожалуйста, не иметь.

— Есть.

Написали договор. Очень решительные все были, повторяю.

— Ну, а типерь к цели нашего назначения. Мы перекидаемся к Врангелю, в Крым, делать там красную повстанческую армию.

— Есть.

— Делать будим из наших браточков, которые там остались в восемнадцатом году и вже у горах работают, у Судаке...

— Есть.

— Усё прикинуто. По городу не шляться, чьтоб не заметили, чьто группа нас. Воздухом дышите в окно.

— Есть.

Пустынен Новороссийский порт. На чем-то из Новороссийска группа должна идти в Крым.

Первые дни августа 1920 года.

Великолепно море — даль к Дообу. Изумрудны краски, перламутры на закате... Оставь об этом, красотолюб! Давай

о деле говорить. Море — район выполнения задания ЦК. Так. Надо соображать — на чем идти в Крым... Вот... На чем плавать, я вас спрашиваю? Я, Вишневский Всеволод, старшина моторных катеров Новороссийского военного порта. Ходим в море на барахле, контрабандисты смеются, и если мы «Тижарети-Багри» поймали — к Врангелю турки шли,— то это просто повезло. На моторной скорлупке шхуну взяли, а? Явно повезло!

А все прочие катера в ремонте: «Витязь», «Рында», «Воробей», «Воин», «Очаков», «Медуза», «Апраксин». Колдует над ними завод «Судосталь» который уже месяц! Кроме катеров — ни бум-бум! Морские силы — эх! Пропадай ты, море изумрудное, раз на тебе дела делать нельзя!

Ванечка идет к командиру Новороссийского военного порта. Ванечка в вольной рубашке с пояском. На пояске кисточки. Вольный гражданин,— чтоб внимания не обращали. А матросы в вагоне сидят, в окно воздухом дышат — показаться нельзя. Тут, в Новороссийске, старую братву каждая женщина с восемнадцатого еще помнит.

Ванечка у командира порта. Закрывает дверь плотно. Послушал — нет ли кого за дверью. К столу сел. Маузер положил.

— Дело, товарищ, на верность. Срок — три дня. Тому кто лишьшнее слово — смерть.

Командир порта кивает головой. Сразу понимает. Соображения являются. И стали планировать.

— Чьто у порту есть?

— Исключительно катера в капитальном ремонте.

— Какие?

— Бывшие судовые и из Килен-бухты, с пристрелочной станции.

— А кроме?

— Ничего.

— Который в большей готовности?

— «Витязь». Выйдет через три-четыре недели.

Помолчали...

Подпольные комитеты Крыма ждут ответа ЦК. Крым должен быть взят...

Черная с золотом цепь, говорил я вам, не умеет ложиться и флотским великолепным шагом — ритм волн — бьет землю. Не бояться, не бояться!..

Говорит Ванечка:
— В три дня дать лучьчий катер. У полной готовности.
— Есть.
Звонит Ванечка:
— Баришьня, дайти завод «Судосталь»... «Судосталь»? Кто? Здрась... Как там «Вытязь»? Говорите, чьто скоро будит? Так... Недели через три? Никак?.. Да, а вы можити заехать поговорить на мин-нуточьку... Куда? На Серебряковскую... Угу... В Чека... Угу...

К предисполкома Новороссийска. Парткому и ему:
— Катер нужно! Все совершенно секретно.
— Но ведь «Витязь» рейдовый катерок!
— Не возражьжяем.
— А вам идти двести восемьдесят миль открытым морем.
— Угу.
— С грузом?
— Кой-чиво есть. Двенадцать тысяч патронов, бочка бензина, три пулемета, ленты, пятнадцать верст кабеля, гранаты, телефоны, литература... Нас двенадцать да команда катерная.
— Ой-ёй!.. Многовато! Что же нужно сделать?
— Ремонт обеспечьти — и делло в шапочьке.
Подумали товарищи...
— Будет.
Сказали исполком и партком. Точка.

Ванечка сам токарь и моторист. Прошел тихонько на завод. Знакомых встретил. Плавали вместе.
— Здоров?
— Здоров.
То да се.
— Навалитесь на ремонт, а?
— Мы што — вот материалу нет. А мы давай.
Администрации ультиматум. Серьезная это штука — ультиматум в 1920 году!

Через три дня ведомость. Храню десять лет:
«Сделано: отливка новых подшипников (один главный); ветрогонки, протирка всех кранов; переборка золотников высокого и низкого давления; проверка цилиндров и параллелей машин; чистка котла и выведение способом заглушки текущих трубок (котел Бельвиля — водотрубный) и т. д. По

корпусу сделано: латки в подводной части, чеканка всего корпуса, окраска и другие необходимые меры».

Сказано: партком слово дал.

Старшина «Витязя» — у пристани; глядит на катер — куколка. Приятные вещи с ним говорю о погоде.

В команде «Витязя» — часть из невоенных. Спросишь: «Где, в каких боях был, сколько раз ранен?» Не ответят. Не были, не ранены. С «непобедимыми» не сшибались.

Темнеет дым на горизонте. Посты службы наблюдения и связи доносят: «В море ходят неприятельские суда».

С буруном за кормой летают чужие корабли вдоль наших берегов. Погибший наш флот у восточного мола лежит. «Витязю» в море идти. Рейдовому катеру большое дело для Революции делать...

— Воды катеру не хватит пресной.

— Не хватит? Брось! Хватит.

Долой чугунные болванки из отсеков катера. Воду туда. Котел питать. Выиграли — радиус действия больше стал. Может идти «Витязь» триста шестьдесят миль. По теории это не выходит, но браточки главным образом практики.

Пятое августа. Пошел «Витязь» с двенадцатью и с командой. Матросы веселые, потому что привыкшие, а «витязевцы» — потому что думают: в Анапу идем. А в Анапе вино. А в Анапе по бульвару, что по-над морем, вечером бабцы ходят, к мужчинам чувства питают.

«Витязевцы» на закат смотрят, мечтают...

И двенадцать матросов на закат смотрят, наблюдают: где опасный дым затемнеет.

Идет «Витязь», на буксире крохотный моторный катерок «Гаджи-бей» тащит. Ой, пригодился он!..

«Гаджи-бея» Ванечка и Коля перед походом ночью сами проверили. Палаткой закрылись, свечу засветили, мотор разобрали, прямо языком вылизали. Все опять собрали. Как часы работает: «чш-чш-чш»... Клянусь честью.

По четвертому году служат матросы Революции. Август 1920 года идет... Белый флот в море. Английская эскадра. Не бояться, не бояться! Какое дело — мы в бой идем, у нас золотые имена кораблей на ленточках. Мой корабль — «Ваня-Коммунист» Волжской военной флотилии. Погиб в бою 1 октября 1918 года. Спаслось из восьмидесяти — тридцать

— Эх, клеш остался на берегу. Идеал — мечта!..

Команду даем:

— Флаг поднять!

Захлопал по ветру флаг из красного флагдуха.

— Имеете, белые, средство для опознания,— в прятки не играем!

Бегут ниже и ниже колесики на прицелах пулеметов. Ленты у нас во флоте пулеметные «на зе, на ять, на двадцать пять» — по четыреста патронов.

На мостике сторожевика в бинокли и в трубу «цейса» глядят.

— Первый выстрел дать предупредительный.

— Есть.

Аврал вдруг, вопят:

— Подождите! Лево на борт!

— Есть лево на борт!

Круто повернул сторожевик. По воде кривую дорожку темную и светлую оставил. Дернул, дернул к Nord'у. От нас удирает!..

Говорят на катерах:

— Живвы?

— Вроде.

— Ой, ябл-лачько, да т-ты на в-веточьке...

— Не галдеть...

— Ти-ри-рам-пам-пам, ти-ри-ри-та-та...

Тащит «Гаджи-бей» «Витязя» в Анапу.

— В чем дело, товварыщи? Как понять?

— Чиво он ходу дал?

— Ты мине живвова скушяй — не знаю.

Опять подходят катера к Анапе. С берега пулеметы: «Тра-та-та». Здрасьте. Хотя — понятно: никто же про нас не знает — все в совершенном секрете. Под огнем терпим. Обидно только: от своей же пули...

Обошлось. Выскочили на берег. Навстречу цепь — красноармейцы. Разобрались: свои.

— Чивво вы?

— Подводная же лодка!

— Где?

— Эвон.

— Так это катера наши!

— Ну, а как сюды попали?

Мигнул Ванечка своим, лепит:

— С ремонта на пробу вышли.

Бросили «Витязя» — котел сдал. Команде «витязевской» на прощанье:

— Кто стукнет про дело — не жить! Адрески ваши взятые в блокнотики.

— Нет, мы ничево.

Осталось двенадцать матросов...

Ну, а дальше?

Один (может быть, из читателей):

— Двенадцать человек, двенадцать тысяч патронов, бочка бензина, пятнадцать верст кабеля, телефоны, три пулемета, ленты, гранаты, литература... Это все на «Гаджи-бее»? Вы с ума сошли?

Братки ответят:

— Мы?

— Вы.

— За-кройсь.

Другой:

— А слабó на катере идти!

— Слабó?

— Слабó!

— Слабó?

— Слабó!

— За-кройсь!

Пошли бы вы все, боязливые!

Не мешать! Ну... Брысь!.. Партийные дела ни трусами, ни на «слабó» не делаются.

Ванечка опять палатку берет, свечку берет, лезет, разбирает мотор, языком его вылизывает, проверяет. Всю ночь. Мотор, как часики: «чш-чш-чш». Браточки по бабцам ударяют. Живые же люди.

Расчет бензина сделали. Хватит. Вот как грузоподъемность? Выдержит катерок?..

Тут не в «слабó», повторяю, дело, а в расчете. В ЦК подчеркивали же.

Грузят двенадцать тысяч патронов в цинках, три пулемета, ленты, телефоны, пятнадцать верст кабеля, гранаты, бочку бензина, литературу...

Ушел катерок в воду, по самый бортик. Хорошая волна вдарит — прощай. Задуматься надо.

Подпольные комитеты Крыма ждут. Выхода нет. Надо идти.

— Запускай мотор.

— Есть.

Потопал «Гаджи-бей» ночью.

Стал у руля Алеша, согнулся весь, на компас смотрит, румпель держит. Волна бьет. Удар — получай ведра три, четыре. Откачивают братки без остановки. Бросает катерок — ой-ой. Лагом не стань — перевернет.

Звездное небо и море. «Море бушует» — в книжечках говорится. А у нас говорят — «свежий ветер». Подходяще все-таки идти, потому что поход в ночи скрыт...

По четвертому году служат матросы Революции. В ночь этого похода на «Гаджи-бее», посланном партией на хорошее дело, заснул матрос на вахте у мотора...

Подремывал и Ванечка перед своей вахтой. Услышал — мотор дает перебой. «Пах-пах-пах...» Ринулся Ванечка, с хода остановил мотор. Как руку не сломало — непонятно.

— Николай!

Вскинулся тот:

— А-сь?

— Что ты наделал?

Труба питания для охлаждения мотора — аж красная. Накалилась. Проспал Коля.

Шепчет Ванечка:

— Количька, дорогой, если мотор не пойдет, иммеешь пулю.

Матросы очень тихо спрашивают:

— Пойдет мотор?

Ванечка берется за мотор. Швыряет катерок — ой, гроб! Черное море такое большое, а наш катерок так мал!..

Хлещет вода, все мокрое давно. Румпель ворочают,— не пускают катер лагом стать. Спасают дело.

Ждут в ЦК донесений о группе. Ничего нет.

— Отливай, отливай, браточьки! Беда!

— Тавот Ваничьке давай!

— Есть! Счяс.

— Живей!

Бьет волна. Во тьме работает Ванечка.

В два ковша отливают воду из катера. Швыряет, стукает людей. Ветер остовый несет к белым.

Поет Гриша:

Давай, давай, давай —
Не задерживай...
Я даю, даю, даю —
Д-не задерживаю!..

Отливают, не задерживают.

— Ваня, как?

— Обожди.

— Ну все-таки?

— Пусть мотор стынет. Иначе порвет, если пустить.

— Ваничька, делай, как понимаишь.

Забивает Ваня тавотом трубу.

Надо дать время остыть трубе. Значит, еще будет швырять, может перекинуть... Овер-киль... Какие матросы были, полное доверие получили от ЦК на такое дело — и то побелели их лица. Клянусь честью! Все молчат...

Выждал Ванечка. Ручку мотора берет. Ванечка здоровый — в Екатеринодаре на силомере восемнадцать пудов выжимал. Народ смотрел: «Ай — морячок!..»

Дернул ручку раз. Не работает. Дернул ручку два. «Пах-пах...» Не работает. Волна кидает...

Черная с золотом цепь не умела ложиться и флотским великолепным шагом — ритм волн — била землю. Не бояться, не бояться!..

Не завелся мотор.

На случай поимки план был.

— Товарыщи, провверим план.

— Есть.

— Я с бомбой на руль.

— Я в машьшину.

— Я к орудию носовому.

— Я к кормовому...

Непонятно вам? А это очень просто. Вот подходит к катерку белый или английский миноносец. Браточки тогда машут любезно платками и радостно кричат. Изображают якобы бегущих из Советской России. Да... Потом суют всякие бумажки, показывают захваченные, якобы тайные, докумен-

ты и деньги. И когда глаза на этом остановятся, у тех то есть, кто захватывает братков, тогда братки разом с маузерами и бомбами бегут на абордаж по главным местам: к штурвалу, в машину, к орудиям. На их корабле! Ясно. В момент: лишних за борт, кого на испуг, а кого и лаской. Есть же там матросы. Потом ходу в Новороссийск. А там, чтоб не стреляли — можно предупредить, шлюпку спустить, послать кого... Придумают матросы...

Братки на катере кончили проверку. Ваня дух перевел, берется в третий раз за мотор:

— Ну, не возьму — закуривай.

— Придется.

Николай воду отливает, со всеми. Во-вторых, ждет от Ванечки или кого другого участи.

Бросает катерок — спасенья нет. Вода хлещет.

Ваня взял ручку, рукава закатал. Рванул — сердце не выдерживает. Еще! Мотор — «пах-пах-туку-чш-чш-пх-чш-чш...» Ну... Ну!.. Заработал. Ваня за мотором как за младенчиком ходит.

Коля перед всеми извиняется.

— От переутомления вишло...

— Ну, ладно...

Ванечке дают газу баночку. Вино или водка у нас так называется. Дернул, согрелся. Мокли же всю ночь. Двигают братки к Крыму ближе.

По береговому шоссе и береговым дорогам на южном берегу Крыма — посты, патрули. От Керчи — к Феодосии, Коктебелю, Отузам, Козам, Судаку, Новому Свету, Кепси-Хору, Алуште...

Всякие с моря суда наблюдают, чуть что — тревога.

Берег Крыма открыли! Маяк Меганом увидели! Так.

— Живвем у Врангеля!

— Здравствуй, Крым.

— Севастополь забираем, божьже ж мой!

А Ванечка сам крымский — севастопольский.

Держит «Гаджи-бей» к Судаку, самым малым — тихим ходом в бухту. Но в бухте всякий черт окликнуть может, может шухер подняться, и — неприятность. Поэтому приходится рисковать. К скалам подходим. Дошли. Тихо все в воду ле-

зут, на себя весь груз берут: двенадцать тысяч патронов, три пулемета, ленты, пятнадцать верст кабеля, гранаты, телефоны, литературу.

— Литературу не замочи. Плыви, над головой подымай.

— Есть, есть.

Стараются все. На камни выбрались. Катерок порубили и в воду — следа нет. Отработал свое — в сторону, а то улика.

Подались в горы. Ущелье — водой промыто. Повалились спать все. Один на часах стоит.

Говорил же я,— если хоть один матрос в живых останется: не считайте море отданным, а флот конченным!

Какое дело — море в руках белых и флота Антанты. Партия говорит:

— Нужно перекинуться.

Есть! Перекинулись!..

Светает, ветер стихает, зыбь утихает. Часовой будит:

— Вставай!

— У-ум... мы...

— Вставай, ну!

Встали. В горы надо уйти поглубже. Пошли. Все в порядочке. Вдруг окрик:

— Стой, кто идет?

По кустам треск.

Всякое случается: как бы точно ни рассчитать, бывает, и не все выходит... Да...

Бой принять — это пустяки, а вот как с делом?

— Кто идет?!

Молчат.

И снова:

— Кто идет?!

Колечка вину свою искупить хочет — один полез в кусты, на разведку. Ждут все, приготовились. Из ущелья крик:

— Свои! Топпай сюды!

Еще один для осторожности лезет: не маленькие, хитрых сами учим. Знаем, как под наганом все что угодно случиться может.

Ждем все. Опять крик:

— Ей-бо, свои!

Тогда еще трое полезли. Условились, если свои,— по шифру кричать «без сомнения».

— Свои! Без сомнения.

Партизаны, оказывается, были. И матрос один среди них.

— Ну, если б ваш годок на руке нам якорь не показал — бой бы сделали. Побили б вас...

— А может, вас?

И пошел хороший разговор, и пошел, и пошел...

И дни пошли с боями.

В ЦК донесение послали. Через море — в мешках муки на фелюге — к Синопу, и дальше по горам анатолийским на Кавказ пробрался Иван Дмитриевич. Доложил:

— Сработали. Разложение в белых есть. Флот действует!

А ему объяснили, почему белый корабль от нас дернул. Разведка наша узнала: принял он катерки наши за торпедные. Страх от них!

Еще: Ванечке орден Красного Знамени дали.

Ленинград — Москва
1930 г.

БОЛЕЗНЬ

Посвящаю С. К. Вишневецкой

Февраль 1920 года.

Всеволод тяжело болен. Болезнь образовала привычку. Он рассматривает сочащуюся из тела кровь. Рана открыта...

Никто его не тревожит... Он лежит, что-то шепчет... Над головой шашка казачья и карабин. Что делать с ними, если надо покидать строй? Лихом не поминай, Первая Конная!

Через Харьков бронепоезд «Коммунар» № 56 на Польшу пошел — буденновский первый посыл с Кавказа. Всеволод до Харькова кровью капает... В Харькове решил в госпиталь пойти. Идет, в жару шатается... Волочит корзиночку, а в корзиночке — первого срока флотская форма номер три: ненадеванный клеш, рубаха фланелевая, форменка и ботинки шевровые. В корзиночке — две гранаты и разобранный карабин. Шашка не влезла, бойцам отдал. В корзиночке — дневник. В корзиночке — белье. Вещи Всеволоду нужны, особо форма номер три: к самому парадному дню надеть, когда война будет кончена.

Шел в город Всеволод. Шатается... Устал, сел у дороги предместья харьковского, отдыхает... Увидел — на снежной равнине неподвижные стоят войска.

Полки стояли как изваянные, совершенно молчаливые и такие тяжелые, что земля медленно уходила под ними вниз. Но было необъяснимо и странно-загадочно отсутствие знамен.

Не было знамен с полками. По всей равнине не было видно древков с орлами и драгоценной тканью, полуистлевшей и только в редчайшие дни показываемой.

Над полками только реяли значки линейных — маленькие с крестами и косицами флажки всех цветов на четырехгранных штыках.

Было так же необъяснимо и странно-загадочно отсутствие оркестров. Нигде не было видно ни флейтистов, ни барабанщиков, ни валторнистов, ни, наконец, горнистов.

Всеволод глядел, пошатываясь, на представшую перед ним армию.

Над равниной всходило второе солнце. Оно шло невысоко. Ослепленные полки закрыли глаза, узнав в этом солнце все свои знамена. Святыни лежали на плечах бородатых знаменщиков — старейших ветеранов, тяжелых и грузных. Их сопровождали ассистенты и знаменные ряды, украшенные орденскими терновыми венцами: знаком первых сподвижников генерала Лавра Корнилова. Знамена, овитые лентами андреевскими, георгиевскими и александровскими, горели текстами святого писания, глядели на полки глазами Спасителя и трубили славу датам веков.

И знамена, проплыв мимо закрывших глаза полков, склонились и легли у первых рядов сидящих на земле в бивуачном порядке людей. Эти люди — мы. Всеволод увидел нас, пошел к нам и занял свое место среди нас...

Над нами — полинялые от дождей и солнца, простреленные в боях красные флаги. Здесь — наша военная сила. Мы сидели, готовясь увидеть то, чего еще не знала история.

Одеяния наши были несравненны! На нас были шинели, прожженные угольями костров, у которых грелись и дремали в походах бойцы, шинели, пропитанные дождями и ставшие жесткими от грязи. Сапоги наши были изношены в походах, длившихся так долго — с июля 1914 года — и приведших нас наконец к зрелищу на снежной равнине.

На нас были выгоревшие пехотные фуражки, флотские бескозырки с выцветшими и ставшими из черных — серо-розовыми ленточками; ватные штаны с оттопыренными гашниками, алые галифе и семидесятипятисантиметровые клеши без клиньев.

Мы держали винтовки — немецкие с маркой «Spandau» и австрийские «Манлихер»; английские тяжелые, прочные;

французские для трехпатронной обоймы; американские марки «Уинчестер» и японские «Арисака» — наши трофеи, взятые в Таврии, Ингерманландии, Новороссии, Донщине, взятые в степях, лесах, в тундре, в горах и в тайге.

Одеяния наши были выразительны и говорили больше, чем одеяния пышных полков стоявшей поодаль армии, побежденной и подготовленной нами к ее последнему действу.

Всеволод вынул и собрал свой карабин, обнял его ласково-доверчиво. А кровь все сочилась и замерзала на снегу, и Всеволод присыпал ее снегом, чтобы не портить белизны равнины.

Из наших рядов поднялся один и не спеша, закинув винтовку за плечи, пошел к строю пышных полков. Мы притихли. Полки колебнулись и перестали дышать. Полки не могли поднять глаз — веки были чрезмерно тяжелы. Наш вобрал в себя воздух и зычно дал команду пышным полкам:

— К церемониальному маршу!

Полки, нами взятые и покоренные, тронулись поротно — на одного линейного дистанция,— как приказал им наш.

Мы затихли, восхищенные невиданным зрелищем.

Мы не мешали этому молчаливому могильному маршу полков, проходивших мимо нас. Мы только про себя подсчитывали: «Ать, ва, и, ире!» Шедшие на полках, батальонах и ротах офицеры — в двадцати шагах от нашей группы — брали шашки подвысь и, пройдя двенадцать шагов, опускали их, поворачивая голову к нам... Они отдавали нам честь.

Всеволод трясся в пароксизме злой радости... Кровь бежала сильнее, и снег впитывал ее.

Республика озаботилась лучшим устройством парада победы, которого бурно жаждали в свое время эти пышные полки.

Они получили этот парад!

Земля оседала под шествующими полками,— мы смотрели на них уже сверху. Временами, в судорогах, среди нас вскакивал то один, то другой и, скрежеща зубами и указуя темным, обожженным махоркой пальцем на узнанного им белого офицера, стонал: «Вот он, вот!» Тогда офицеры, продолжая держать про себя счет, еще ниже опускали тяжелые веки. Прошлое тревожило их.

Могильный марш продолжался в безмолвии. Белая армия плыла в мерном российском шаге со штыками, устремленными косо и ввысь. Оцепенело глядя вперед, иногда для равнения подкашивая глазом вправо и влево, шли побежденные к своей гибели...

Ненавистью и молчанием мы замедляли их шаг.

Потом, спустя много часов, пропустив мимо себя пышные полки, пошли и мы.

Ах, как мы пошли, как мы пошли! Мы пели, бешено ржали и плакали от счастья — мы, уцелевшие с 1914-го.

Мы, бывшие российские солдаты и матросы, растопили своим ходом снег равнины. Мы шли, высоко подняв наше счастье, выдранное на войне, счастье, познанное в первый раз, счастье свободы. Мы пошли, ах как мы пошли, и глаза наши горели...

Всеволод бредит на снегу... Он притоптывает ногой: «Ать, ва, и, ире!» Его потрясают рыдания. У Всеволода очередной приступ — на этот раз разгоряченный мозг создал мираж на искрящейся под солнцем снежной равнине. Больному нужно скорее дойти до убежища.

Всеволод все еще победоносно, но еле держась на ногах, куда-то входит... А? Да... Эвакопункт у вокзала.

Здание серого цвета замечательно. Плиты пола устланы тончайшим, нежнейшим, пушистым, пепельно-зеленым покрывалом недосягаемо тонкой работы. Строение узоров, множественно разветвленных, приковывает взгляд: переплетаются миниатюрные гроздья, пышные кисти и лучистые веера с цепочками едва уловимых глазом шариков, кажущихся пылью, необычайно тонкой, легкой, и серебряные нити... Нагибаясь, чтобы рассмотреть узоры, дыханием поднимаешь облачко зелено-сизой пыли.

В палатах пол покрыт особым составом, желто-розовым, местами буро-красноватым. Смóлы... Глаз не знает, что выбрать, и борется между миррой и янтарем... Мирра желто-розовая, аравийская и африканская. Запах твой силен и долго не исчезает... А вот янтарь — игра моего детства, добыча маленьких рыбаков, дар моря; янтарь, просвечивающий, с прожилками и закованными внутри неизвестными травами...

Здание освещено лучшими мастерами-осветителями, выбравшими для нашего отдыха чудеснейшие полутона и погрузившими лампы в радужные туманные абажуры...

Всеволод, ты бредишь! Очнись, боец! Не поскользнись на плесени плит и на замерзшей моче. Не наступи на голову еще не убранного мертвеца... Старайся не дышать зловонным заразным туманом.

Уйди!

Да, да... Но как красиво!

Вышел. Лег, растерев ногой плесень, на плиты коридора. Ноги вытянул. Подошвы с гвоздями. Французские сапоги до колен. Шнурки из телефонного провода.

Сапоги сняты, как с себя перед сном, с корниловца, который умирал в сыпняке на станции Иловайской. Некогда было ждать его последнего дыхания. Конная шла в бой. Нужна была обувь...

Санитары идут. В белом. Прошли. Повернули к Всеволоду. Один другому говорит:

— Дай ему воды.

Всеволод маузер отстегивает и шепчет:

— Уйди, пока жив.

Сырой водой поят санитары горячих пришельцев... Боже, сколько госпиталей и сколько дел знают фронтовики!.. «Не пейте сырой воды...» Да, да... Горячее тело у Всеволода.

Ночь наступает.

Зимняя долгая ночь. Всеволод жарко шепчет и думает. О, как нужна ему женщина! Она нужна ему — со всем ее уменьем, проворством вымытых рук, зрелым опытом, изобретательным воображением, неутомимой старательностью и тончайшим обонянием,— чтобы приготовить пищу. Пищу имеет право готовить только человек с чистыми руками, зрелым опытом, изобретательностью и воображением... Подставьте же мне чашку для крови. Да, я не могу шесть лет есть старое желтое сало и дрянную солонину! Я хочу не грязный серый суп, а прозрачный бульон. Вот. Возьмите, пожалуйста, все, что у меня есть. Не троньте только оружие и форму номер три,— это нужно для нашей войны и для первого дня нашего мира. Не пугайтесь. Я не причиню вам никакого зла. Вас пугает мой вид и эта английская шинель? Разве вы не видите на ней красный якорь?.. Положим, его можно пришить. Тогда смотрите. (Простите меня еще раз: моя рубашка не свежа.) Да... Этот якорь есть и на моей коже. Видите, как он синеет и как синеет распростерший крылья орел, держащий этот якорь? Вот — это клеймо, этот вечный паспорт матроса... Значит — не нужно бояться...

Женщина, я хочу сам себя лечить... Я как собака, я знаю — мне надо пожевать только одной травки. Я сам себя вылечу... А там, в госпитале, подыхают в затылок... Ты не видела? А-а, видела! Тебе страшно? Справа по одному в могилу, арш! Вас не затруднит, женщина, открыть окно — мне душно... Почему вы молчите? Проветри еще, ну? Что — я не имею права пожить тут? Отвечай, ну? Я брал этот город два раза... Не подходи, эй, там! Я, брат, не корниловец! Я тебе,

санитар, касторка всеклятая, эту сырую воду волью в твои кости!

Очнись, браточек!

Всеволод огляделся. Кто-то отходил, пятясь от него. В белом халате со свечой... Доктор, санитар?

Белые дамы в штанах шляются! Кентервильские привидения... Знаю. Знаком. Желтая обложка — Оскар Уайльд... Издание товарищества Маркс... «Нива»... Что, а? Да, 1912 год...

Всеволод на плитняке коридора сидит, с маузером в руке, качается. Стоит вахту — стережет свою жизнь и свои сапоги...

Мы все эти штуки знаем... Катись, катись — мимо!

По коридору перестали ходить. Испугались... Так.

Серый гроб крутится вокруг Всеволода. Качается. Вали, качайся! Всеволод держится за подоконник. Вдруг подумал: странно, язык не шевелится. Я же еще жив... Голос! Голос! Есть ли он? Жив ли я? По гробу крик неслыханный:

— Вахтенный!

И себе самому опять:

— Есть!

Все в порядке...

Утром очнулся... Побрел — донести свою жизнь куда-то... Ну, возьмите ее, ну, помогите ей... Почему же мне так трудно и все качается?..

Прибрел и лег в госпитальный дом.

Мне хочется заснуть... Счет до тысячи... Я засыпаю, а нога не засыпает. Ослабить все мускулы, этот, этот, этот... Вишневский, какие вы знаете мускулы?

Musculus scalenus, musculus temporalis...

Это только мускулы головы, а скажите...

Голова важная вещь, а вам не нравится? Голову нельзя высовывать из окопа,— она важная вещь.

Тихо...

Нога засыпает. Тсс... Не спят только глаза.

Палата вытягивается. Какая перспектива! Как в перевернутый бинокль. Деления два влево от ноля!..

Я вижу: я быстро разбухаю, расту. Я заполняю собой палату. Только зубы острые щелкают в испуге... Я разрушу палату... Это опасно. Как это прекратить? Скорее, я задавлю других.

Теперь я уменьшаюсь очень быстро. Я боюсь, что я потеряюсь, меня не заметят, стряхнут, как соринку. Не надо. Это я! Это Я! Это Я!..

Замечательны узоры на стене. Я создаю их сам. Я нашел секрет комбинирования неизвестных линий и красок. Надо сообщить об этом скорее.

Я вижу: Бурчацк... Стоит наш бронепоезд «Грозный»... Братиш-шечки!.. Крой на Крым! Крой на Украину!.. Украина, сколько боев за тебя!

Приступ прошел. В тишине палаты Всеволод слушает свою память.

На ночь Всеволод привязывает веревочку к руке, а другой конец к корзиночке. Корзиночка под койкой. Маузер под матрасом.

Рядом лежит старый латышский стрелок. Всеволод шевельнулся:

— Драугс, друг, какие здесь дела?

— Жить мошно, матрос.

— Да?

— Тут умирают. Мошно брать их порцьи.

— Да.

На крайней койке у окна клокочет мокротой парубок. Горловая чахотка: звук знаком. Сколько звуков мы знаем, фронтовики!

Выбеленная палата. Опять все качается...

Всеволод видит — лежит еще матрос. Тощий, длинный. К нему идут двое в белом:

— Вы можете встать?

— Ого, сейчас.

Размахи сильные, черт возьми. Стой, стой, стой... Держись за поручни, браток,— смоет.

Фу, как стыдно, братишка. Братишка, чего эти белые тебя щупают, грудь трогают? Дай им по зубам. А ну, брось, эй, не замай товарища.

Очкастый в белом говорит, нагибаясь над тощим матросом:

— У него мраморная сыпь.

Ну и качает!

Латыш что-то говорит тощему матросу.

— А?

— Тебя в сыпнотифозный.

— Да?

— Ты, брат, держись.

— Понятно.

— Ты не бойся. Ей-богу. Ты вещи береги.

— Ага.

Хрипит парубок... Все на месте и не качается. Все ясно. Матросу уготован путь.

— Значит, в сыпнотифозный?

— Выходит.

— Притопал.

Латыш ворочается, приподнимается. Тощий матрос в вещах роется и тихо-тихо сообщает:

— Было ровно между жизнью и смертью. Скоки лет было. У нас повсегда так было. Теперь крен явно к смерти.

Вещички, как к инспекторскому смотру, складывал, проверял и тихо-тихо сообщал:

— Вот не ждал не гадал — сыпняк, барак и в ямку. Я от рака помереть ждал. Рак у меня в легких открылся, ест их. Через месяц съест,— я доктора пугнул, он признался... А то говорит — «не беспокойтесь». Истощенный я. Десять годов грохаю. А тельняшку починить надо — порвется. А был я ничего — мальчик слабый,— ломики гнул, говорил — плохие. А теперь рак у меня... (Подштанники вынул.) Подштанников двое осталось. Мало. Плясать умел: черепом в палубу, головой в потолок. С-час беседу сделаем.

Порылся в парусовом чемодане товарищ:

— Вот команда в дорогу дала, трофейная вещь, редкая. (Вынул бутылку водки.) Вообще не пью, но в компании можно.

Шибанул ладонью, пробка вылетела. Сестра вошла. Говорим ей:

— Уйдите, сестрица, пока. Уйдите, пожалуйста.

Ушла.

Разлили водку в три молочных чашки. Тощий помирающий друг сказал:

— Будем здоровы.

— Будем.

Тощий друг поглядел:

— Чарочка... Закусить нечем, а? Да, вещи, чтоб не пропали, записку оставлю. Куды послать или сообщить... Рак у меня... «Не беспокойтесь»,— говорит доктор-то, а? Ты мне очки не втирай. Я с «Дианы», кочегар первой статьи. Фамилию, друг, запомни, запиши — Сажин.

— Запомню.

Санитары вошли.

— Пить, товарищи, неудобно, не полагается.

— А вы уйдите, уйдите прочь. Вы не мешайте, землячки. (Налил по второй.) Пей тут, на том свете не дадут. Будем здоровы.

Поглядели грозно на санитаров два матроса и латыш,— ушли они.

— Ну, будем здоровы.

Тяпнули.

— Прозит.

Сполоснулись.

— Латыш, ты Ригу знаешь?

— Знаю, на «Проводнике» работал.

— Хороший город. Извозчики смешные.

Посмеялись. Допили... Потеплело в палате.

— Латыш, я тебе до революции запрещенную песнь спою. Хочешь?

— Давай.

Сажин завязал на вороте рубахи завязки, колени потер...

— Вот,— и голосом, дрогнувшим от сокровенной глубины, тихо запел: — Трупы блуждают в морской ширине. Волны плещут зеленые. Связаны руки локтями к спине. Лица покрыты мешками смолеными. (Сажин прикрыл лицо руками, и слезы, слезы человечьи по рукам скатились.) Черною кровью запачкан мундир. Это матросы кронштадтские. Сердце им пули пробили солдатские. В воду их бросить велел офицер. (Помолчал.) Это у Лисьего Носа, знаешь? В пятом году.

Всеволод качается:

— Сажин, живы будем — не помрем?

— Так, сынок.

Сестра вошла, спрашивает:

— Что-нибудь вам нужно, товарищ?

— Спасибо. Пока нет.

Вышла. Сажин голову — ей вслед — повернул, печально усмехнулся:

— Хороша баба.

— Хороша.

— Я вот — помоложе был — как подумаю, сколько баб красивых, господи, сам не свой. Даже тоска брала: сколько их на свете, а что тебе достается?

Парубок забулькал и захрипел опять.

Вошли санитары. К Сажину:

— Давайте, товарищок, соберемся... Мы вас проводим.

— Давайте, в чем дело. (К нам обернулся.) Ну вот, больше не увидимся. Рак у меня...

Под руки его взяли. Он палату глазами обвел, и увели его умирать. В мужественное сердце твое, матрос родной, целую тебя.

Беспамятного поволокли скоро и Всеволода. В сыпнотифозный... И раны его сочатся...

Март 1920-го проходит...

Пинцет с ватой, намоченной борной, в рот засунули, скребут. Тошнит.

— Откройте рот, шире.

Значит, выжил?!

Голову повернул Всеволод, видит: лежит один напротив — за столиком. Стакан молока у него.

— Дай глотнуть.

Протянул сосед стакан, напоил.

Стой! Где корзинка? Ой-ой-ой...

Закрыл даже глаза Всеволод. И нельзя спросить, нельзя разговор завести — заберут корзинку. Оружие! Молчит, лежит Всеволод. Дня четыре. Ест по закону: «свое прибрать успеешь, чужое не забудь». Ест без передышки.

Сиделка новая идет, молодая.

— Сестренка, подгреби ко мне.

Улыбнулась.

— Ты какая?

— Шьто значит какая?

— Откуда, ну?

— С Сывастополя.

— Ой, счастье мое, своя.

И обрел опять язык простой, обрел радость — все вернул Всеволод.

Заговорили, прояснело.

— Смотайся, куколка, узнай про латыша. Живет он на том краю — через двор, по-над забором флигель. Скажи — кланяюсь.

Глазами играет детка. Эх, жизнь есть, жизнь будет! Сам себя Всеволод щупает, лапу лапой потрогал, все тело потрогал — мясо еще крепкое. Жми, Вас-ся, наша сверху! Рявкнул:

— Верно, браток?

Сосед спрашивает:

— Что?

— Жми, говорю, наша сверху! (Брыкнулся, залаял счастливо.) Гав-гав... Ты откуда?

— Москвич.

— Пехота?

— Да.

— Где бывал? Под Воронежем был? А?

— Да.
— Крепко там шили. Ух, чисто!
У Всеволода слово прет, не удержишь, а сам на койке шевелится, дрыгает. Сосед смотрит, а Всеволод говорит — хлещет:
— Мы, понимаешь, нарвались раз. За Купянском. Ну, вот — два шага. Белые. Ох, дали им, ох, дали! А ты в старое время служил?
— Служил.
— А как эту сиделку зовут? Севастопольская, ей-богу. Курить у тебя есть?
— Есть.
Закурил, внутри головы дым пошел. Туманит. Всеволод чешет:
— Месаксуди? «Лимонные»? Мы в Иловайской табаку взяли вагон. Белые бросили. Тоже дали им — крепенько. Был под Иловайской?
— Был.
— Ну вот. Ты партийный?
— Нет.
— Когда обед-то дадут? Есть хочу — кишки пищат. Газеты тут дают, а?
— Дают.
— Люблю. А после тифа когда выписывают? А?
— Как когда.
— Давай, братишка, вместе, ей-богу. Оба и дернем. Тебе в какой полк? Дай еще молочка, а?
Дал.
— Куда тебе, в какой полк, слышь?
Молчит.
— Чего ты?
Молчит. Потом говорит Всеволоду:
— Я сразу хотел вам сказать. Вы как-то не дали. Я... офицер.
— А-а.
Сестренка пришла.
— Латыш живвой. Усё, говорит, в порядке. Но шьто это «усё»? Сыкрэты, а?
И глаза щурит. Веселая баба. А корзинку латыш сберег, значит.
— Сестренка, давай мне молока банку.
Принесла, ставит.
— Ставь не сюда, ставь туда — я должен им... (Кивнул на соседа.)
Поставила соседу.

— Сестренка, и папиросу приволоки. Задолжал им тоже... (Кивнул на соседа.)

Поглядел на дивчину. Моя будешь, радость! Почувствовала. Лапку ей тиснул, притянул к себе:

— Живем, детка. Топай скорей, неси.

Да здравствуют выжившие! Вас ждут и комендант, и эшелоны, и братки. Ешь плотнее! Кто помирает — отдаешь нам порцию. Ходи ножками.

Всеволод идет... Сам... Сам! Уй, ножки подгибаются!.. Врешь, наша сверху. Гробовозам нас не видать! В загробное рыданье, в последнее дыханье трам-та-ра-рам!

Вы, гробовозы, эту мечту про смерть выкиньте.

А отхожее солнцем гружено, одним солнцем. Прет, без всякого! Краску всему дает. Мухи кружатся... Зеленое сверканье! Движенье, жужжанье! Ах, красота!

Полной грудью дышит Всеволод. Восторг! Это не лекарства, не гроб!

Топает ножками Всеволод. На койку... Сестренка волочит папирос коробку — долг покрыть.

— Сестренка, даешь газеты.

— В читальне.

— Тащи сюда, скажи, помираю (и рявкает), гав-гав!

Смеется детка.

— Вот самашечий матрос.

— Уйди, а то сальтамарталь покажу, куколка-а.

Пошла детка.

Газеты есть — какие хочешь. Бумага желтая и розовая, тонкая и коричневая — оберточная. Чу́дное дело — сколько газет.

— А ну, где сводки?

«Взят Иркутск»... Ффу-ты...

«Занят Мурманск»... Купай их, Вас-ся!

«Взят Екатеринодар. Захвачено около двадцати тысяч пленных». Крой, Вас-ся! Когда выписка после тифа, кто знает?

Ну, глядите на меня — это плохая грудь? Знаете, во флот да в гвардию с какой грудью брали! И кровь перестала сочиться... Выписку!

Жизнь, жизнь есть. Двадцатая моя весна!

Кронштадт
1930 г.

ОЧЕРКИ

ВОЛЖСКИЕ БИТВЫ

Лето 1918 года было знойным, предвещало грозу. И гроза грянула на востоке. В конце мая в Сибири началось контрреволюционное восстание чехословацкого корпуса. Части корпуса, поддержанные белогвардейцами, вскоре захватили ряд пунктов и в Поволжье. Враг наступал быстро...

На Волгу спешат молодые полки Красной Армии. В помощь им создается Волжская военная флотилия. Морякам брошен клич: «На чехов, на белых!» И моряки не заставляют себя ждать.

В Нижнем Новгороде, на территории ярмарки, возникает морской городок. Сюда прибывают эшелоны матросов — почти сплошь черноморцы из Новороссийска. Спешно принимаются за вооружение судов.

Противник нажимает. Уже пала Казань. В Нижнем, не прерываясь ни на миг, кипит работа. Дорога каждая минута. Местные заводы и мастерские все-таки не поспевают с установкой орудий. Матросы почти поголовно кидаются на помощь рабочим. Идет непрерывный боевой субботник. Над гладью Волги стоит стук и скрежет молотов и сверл. Орудия, подтаскиваемые вручную, громыхают по палубам. Вот, разгоряченный, работает организатор флотилии товарищ Н. Г. Маркин, балтийский матрос. Вот подгоняет болты к орудийным установкам механик товарищ Федоров, черноморец...

Приходит новый эшелон с орудиями из Балтики. Конвоиры должны отправиться обратно, в Кронштадт. Но, увлеченные общим порывом, они записываются добровольцами на суда. Помню, как сейчас, звонкий голос одного из них — того, который крикнул нам: «И мы пригодимся!»

Не узнать уже волжских буксиров, служивших еще недавно господам Башкировым — виднейшим судовладельцам на Волге. Буксиры стали военными кораблями. Подняты военные флаги, блестит свежая краска бортов. Стоит вахта. Бравый боцман товарищ Поляков, погибший потом в боях, наводит чистоту на нашем «Ване» («Ваня-Коммунист» № 5).

Наконец суда уходят на фронт. На высоком городском берегу чернеют толпы провожающих. Хор пароходных гудков шлет прощальный привет.

За Нижним, на открытом просторе Волги, загремели наши орудия и пулеметы. Это была предбоевая проба оружия и вместе с тем огневая военно-политическая демонстрация. Красная флотилия гремит. Слушайте все! Идем в бой, закрываем врагу проход по Волге.

Под Казанью началась страда. Дни побед сменялись неудачами. Тяжелая артиллерия противника пенила Волгу, трудно приходилось красным кораблям. Но, несмотря ни на что, готовим ответный удар.

Ночь проходит в тревожном ожидании. Наутро товарищ Маркин предлагает всем, кто не чувствует себя сильным, уходить с корабля. Мы смотрим недоуменно: неужели среди нас найдутся трусы? Два-три человека, пряча глаза, завозились со своими вещами. Зашумела команда: «Сорвать с них матросские ленточки!.. На попятный, сволочи?..» Струсившие остались.

Идем в дело. Снарядов уже остается мало. Противник встречает бодро. Показываются его корабли — «Милютин», «Ливадия» и другие. Расстояние до них уменьшается со страшной быстротой. Наши артиллеристы входят в азарт. Выстрелы частят. Стоит непрерывный грохот. Подана команда взять винтовки: сойдемся, видно, с врагом грудь с грудью.

Наконец время вмешаться и пулеметчикам. Снарядов уже нет. Противник у самого носа. Стоя на открытом мостике, четверо пулеметчиков полоснули белочехов из четырех пулеметов. Ленты с патронами опустошались одна за другой. Из пароотводных трубок пулеметных кожухов хлестал пар. Пулеметчики впились глазами в ближайший корабль противника, который все шел и шел нам навстречу... В боевом упоении они решетили его беспощадно. Над головами свистели осколки вражеских снарядов. Ни черта! Уже палуба пожелтела от расстрелянных гильз. Пулеметные надувальники стали матово-серыми от порохового налета.

Белый корабль все ближе. Сейчас схлестнемся... Что это? Белый корабль вдруг быстро отходит в сторону. А-а, удирает! Не устояли его пушки и пулеметы! Мы строчим из пулеметов вдогонку. С палубы нам что-то весело и грубо кричат. Верно, работа пулеметчиков по вкусу пришлась ребятам.

В неделю мы сломили сопротивление врага, выбили у него из рук инициативу и пробились вперед к деревне Макрваши, ближе к Казани. По ночам видны яркие городские огни, днем в бинокль видна Бакалда — казанское предместье.

27 августа к нам пришло подкрепление: три миноносца из Балтийского моря — «Прочный», «Прыткий» и «Ретивый». Они пришли из Балтики длинным водным путем — по Мариинской системе. Поддержка была очень кстати. А не вмешайся в дело ее присылки сам Ильич — не дождались бы миноносцев.

Дело было так. Продвижение миноносцев задержалось в Рыбинске. Ильич, занятый тысячей государственных дел, учуял опасность этой задержки, оценил положение. Дал краткую телеграмму. Вот они, эти исторические строки телеграммы:

«Рыбинск Комиссару отряда миноносцев Старшему командиру Копия исполкому Совдепа Приказываю самым срочным порядком закончить погрузку орудий, снарядов и угля и незамедлительно следовать в Нижний. Работа эта должна быть выполнена в самый кратчайший срок. Местный Совдеп и советские организации должны оказать полное содействие. Каждая минута промедления ложится тяжелой ответственностью и повлечет соответствующие меры по отношению к виновным. Телеграфируйте исполнение. Председатель Совнаркома Ленин. 23 августа 1918 года».

И уже 27 августа миноносцы были на фронте. Флотилия усилилась. Можно было действовать решительнее.

Мы настойчиво пробивались вперед. Днем и ночью гремели орудия с обеих сторон. Моряки-разведчики бесстрашно пробирались по берегу и высматривали места расположения батарей противника. Если какая-нибудь из них бывала замечена — ей приходилось туго: морские орудия бьют крепко и далеко.

Плохо приходилось противнику. Чтобы спасти свое положение, он решился на глубокий обход нашего фланга и удар в тыл нашей 5-й армии, бившейся под Казанью. 28 августа отборный белый отряд под командой Савинкова и Швецова обошел наш фронт и обрушился с тыла. Положение создалось весьма трудное. Но враг не учел, что может сделать красная флотилия. Быстрым ходом она двинулась к Романовскому железнодорожному мосту, где орудовали белые, и подкрепила отступавшие красные части. Они воспрянули духом и перешли в контрнаступление. Противник понял, что его налет сорвался; он был вынужден отступить. Наш фронт был спасен.

Но флотилии было мало этого. Надо было показать белым, что наши силы и наш боевой дух совершенно не поколеблены. Принимается решение — совершить внезапный ночной налет кораблей на Казань.

В ночь на 30 августа корабли скользнули в густую тьму.

Ни единого огонька. Все затаились, стоя на местах по боевому расписанию. Сумрачно высится лесистый правый берег. Вот уже Верхний Услон,— это совсем близко от Казани, а чехи и белые ничего еще не подозревают об ожидающем их ударе.

Удар был нанесен сокрушительно. Внезапно засверкали огни выстрелов. Пламя озарило Волгу. Запылали какие-то сооружения. Противник заметался в панике, совершенно не понимая, что происходит, каким образом красные попали почти к самым казанским пристаням. Ведь еще вчера они сдерживали отряд Савинкова у Романовского моста!..

Жутко было у пристаней. Лихой ответ давала флотилия на савинковский налет.

Неосторожно, в темноте, корабль «Ольга» приткнулся к берегу. Какая-то пехотная чешская или белогвардейская часть вздумала его атаковать. На «Ольге» — смелый командир товарищ Дойников. Отданы необходимые приказания. Застрекотали пулеметы всего борта. На берегу только вопли и стоны. Атака отбита.

Ранним утром корабли наши были уже на своей стоянке. А днем задали белым еще добавочную трепку: когда те вздумали сунуться с десантом, его быстро отогнали.

До 5 сентября еще ряд горячих боев. Наши дрались ожесточенно. Весть, что предательской пулей врага ранен Ильич, взволновала красных бойцов, заставила их сражаться еще упорнее, еще беззаветнее.

5-го выдался жаркий день. Днем загудела вся артиллерия. Волга взбаламучена снарядами. Фонтаны взрывов окатывают палубы; мы все мокрые. Наши комендоры работают чудесно. Но не хуже на этот раз стреляют и белые; они ввели в дело очень много батарей. Вот окутывается дымом один из наших кораблей — «Дельфин». Гибнут товарищи. Вот вторая потеря — погружается в воду «Ташкент». Команда его продолжает стрелять, хотя вода подступает все выше и выше... Вокруг нас шипят и свистят снаряды. К вечеру появляются неприятельские самолеты, сбрасывающие бомбы.

Трудно пришлось в этот памятный день. И все-таки мы выдержали.

Потери не заставили нас ослабить свой натиск. 7 сентября стремительной атакой красноармейцев и матросов, спасшихся с «Дельфина» и «Ташкента», был взят Верхний Услон. Казань — через Волгу, совсем рядом. Еще одно-два усилия — и она будет нашей.

Ранним утром 9 сентября двинулись на Казань. Было тихо. Волга как зеркало. Мы молча стояли у орудий и пулеметов,

не сводя глаз с приближавшегося берега. С каждой секундой нарастала нервная напряженность. В мыслях одно: белые будут бить в упор. Может быть, они уже навели орудия и пулеметы. Может быть, кто-нибудь из белых уже взял на мушку нашего командира — товарища Маркина. Может быть, кто-либо уже прицелился в нашего флагманского (главного) артиллериста Елисеева...

Мы наводим орудия и пулеметы по пристани. Все застыли. Пристани — в десятках шагов...

Противник проспал наш приход. Мы молниеносно сбросили десант в шестьдесят человек и начали крошить встрепенувшиеся заставы белых. Завязалась перестрелка. Десант продвигался вперед и с налета захватил восемь тяжелых орудий. Замки с шести орудий были быстро сняты, с остальных не успели.

Белые уже начали отбиваться. Открыла огонь их тяжелая батарея. Первыми ее снарядами на «Ване-Коммунисте» снесло прожектор. Кругом жужжали осколки. За пристанями шла яростная перепалка. Белые подводили резервы.

Мы били по этим резервам из пулеметов, ожидая с минуты на минуту, что подойдет обещанная поддержка.

Поддержки все нет и нет. Белые теснят. Отстреливаясь, кучка матросов отходит к кораблям. Вот приходит один из самых боевых моряков — черноморец Василенко. Белые не решаются броситься к кораблям: они уже научены опытом с «Ольгой». Мы медленно отходим от пристаней, круша своим огнем береговые постройки, за которыми засел противник. Снаряды взметывают балки, доски, дрова...

Днем готовимся к новому удару на Казань. Всеми владеет мысль: *город надо взять.*

Ночь проходит без сна. Ранним утром красная пехота и десант матросов ринулись в наступление. Белые не могли выдержать удара. Отдельные их кучки были быстро смяты. Казань перешла в руки рабочих и крестьян. День 10 сентября — день славной, крупной победы, для достижения которой много поработала Волжская военная флотилия.

За доблестную боевую работу весь состав флотилии получил благодарность высшего командования, а «Ваня-Коммунист» № 5 — красное знамя. «Под Казанью,— говорилось в приказе высшего командования,— флотилия покрыла себя славой. Все суда соревновались в героизме и преданности рабочему классу».

Далеко отступил противник. Он не успевал задерживаться. Всюду его сбивали наши части и корабли.

Хорошо запомнился мне один эпизод из боев за Нижним

Услоном. Белые думали остановиться; батареи их заняли выгодные позиции. Нам было поручено, вместе с самолетами, открыть места их расположения. Корабль пошел вперед, самолеты поднялись ввысь. Мы предполагали, что батареи, открыв огонь, обнаружат себя и будут замечены летчиками. Шли средним ходом. На палубе играл граммофон, и по водной глади разносились звуки «Марсельезы». Корабль подставлял себя врагу, был живой мишенью. Но белые так и не рискнули открыть огонь...

Флотилия продвигалась вперед, преследуя противника уже на Каме. Путь вниз по Волге врагу был отрезан: Красная Армия уже заняла Симбирск.

Вскоре были взяты Чистополь, Бережные Челны, Тихие Горы и Икское Устье. К концу сентября наши корабли подходили уже к Пьяному Бору, опередив сухопутные части на несколько десятков верст. У Пьяного Бора белые укрепились и решили оказать сопротивление.

На берегу Камы стоял ряд батарей. Флотилия белых держалась тут же.

1 октября товарищ Маркин на «Ване-Коммунисте» пошел «пощупать» белых. На берегу была замечена батарея. Корабль быстро направился прямо на нее, чтобы, сбросив десант, захватить ее прямым ударом. На батарее засуетились,— видимо, дрогнули. Корабль уже подошел к берегу довольно близко, громя белых из орудий.

Жестокая случайность поджидала неустрашимого Маркина: мель помешала кораблю подойти к берегу. Белые подбодрились. Несколько снарядов попало в «Ваню-Коммуниста». Он запылал. Повреждена была и машина. Команда продолжала вести огонь. С раздробленным черепом пал комендор товарищ Паланга — бывший финский красногвардеец. Другой стал на его место. Верхняя команда берется за ручные пулеметы и бьет по батарее, невзирая на то, что пламя распространяется все шире. Товарищ Маркин руководит боем.

Белая артиллерия, видя происходящее, выходит из Пьяного Бора. Она спешит добить «Ваню-Коммуниста», который беспомощно вертится, захваченный течением. Но команда его по-прежнему на местах. Может быть, еще подоспеет помощь... Вот показались «Ольга» и «Прыткий». Они приближаются. Белые корабли тем временем ускоряют ход. Их шесть. Они открывают огонь по нашим судам. «Ольга» подбита. «Прыткий» остается один, он отходит.

«Ваня-Коммунист» все же встречает врага. Еще есть патроны, еще есть снаряды. Бьются опаляемые огнем матросы.

Падают убитые и раненые, струйками бежит кровь по палубе. Неистово стреляют уцелевшие.

Огонь подходит к пороховой камере! Тут только Маркин разрешает команде бросаться в воду. Сам он остается на корабле, чтобы погибнуть вместе с ним.

Белые подходят совсем близко и из пулеметов расстреливают плывущих в ледяной воде красных матросов. Несколько наших истребителей (моторных катеров) бросаются на помощь и спасают восемнадцать человек. Примерно еще столько же выплывают к берегу. Часть команды, с утра бывшая в десанте, пробивается к своим, увозя на глазах белых два орудия.

До сорока человек погибло на «Ване-Коммунисте». Погиб и товарищ Маркин — верный боец революции.

Наша флотилия сумела отплатить врагу. 6-го она поставила на Каме минное заграждение. 7-го пять белых кораблей, пренебрегая нашим огнем, двинулись в наступление. Они шли уверенно, предвкушая успех. У Зеленого Острова, попав под тяжелые снаряды «Атамана Разина», белые приостановились. Тут-то и пришлось им расплатиться за «Ваню-Коммуниста». Головной белый корабль — отлично вооруженный — наткнулся на мину и взлетел на воздух.

Наша флотилия двинулась вперед. Противник растерялся и бежал.

Напористо двигалась флотилия вместе с Красной Армией. Смоленский полк 11 октября взял Пьяный Бор. Укрепленная позиция белых пала. Вскоре был взят и Сарапуль. В это время было получено важное сообщение, которое заставило командующего флотилией решиться на крайне дерзкое предприятие.

Трем миноносцам — «Прыткому», «Прочному» и «Ретивому» — было приказано поднять... андреевские флаги (флаги царского флота, которые были приняты у белых). Матросы сняли красные звездочки.

Взвился сигнал, и миноносцы пошли вверх по Каме. Берега заняты противником. Вот встречается белогвардейский катер. Командующий четким голосом приказывает ему идти обратно и предупредить батареи, чтобы они не стреляли. «Скажите, что идет флотилия адмирала Старка из реки Белой». Офицер, бывший на катере, откозырял.

Миноносцы идут дальше, в самый центр белых. Пришли в село Гальяны. У пристани — баржа, на ней караул. Рядом стоит буксир. На берегу — пятьсот белых. Командующий приказывает буксиру взять баржу и вести ее в Сарапуль.

К чему? Что это за баржа, ради которой три миноносца идут на такой риск?

Буксир ведет баржу. Миноносцы рядом. На белый караул наводятся пулеметы и орудия. Неожиданное приказание караулу: «Бросай оружие!» На миноносцах взвиваются красные флаги. Караул ошалел, покорно бросил винтовки. Наши матросы уже на барже. Бросаются к люкам и кричат: «Товарищи, выходи: здесь красные моряки!»

Тихо в сырых трюмах баржи. Оттуда несет зловонием. Матросы кидаются вниз.

В барже было пятьсот двадцать два человека — коммунисты и пленные красноармейцы, обреченные белыми на расстрел. Они умирали от истощения. Живые, вернее, полуживые, они валялись на полу трюма в собственных испражнениях, едва прикрытые рогожами. Накануне с баржи было взято и расстреляно тридцать человек.

В трюмах не верили, что пришло спасение. Подавленно притаились. Думали, что их вызывают наверх, чтобы расстреливать. Наконец, когда они поняли, что перед ними свои, полубезумная радость засветилась в глазах мучеников. Многие рыдали и бились в припадке. «Братцы, товарищи, свои»,— лепетали они, глядя на освободителей. Матросы начали выносить наверх своих братьев, вырванных из могилы.

Сарапуль ждал возвращения миноносцев. Весть о деле уже разнеслась по городу. Народ бежит к пристани. Многие надеются увидеть своих среди тех, кто спасен с баржи. К берегу выходят красные части со знаменами и оркестрами. Подходят миноносцы и баржа. Звуки «Интернационала», рыдания, крики «ура». Спасенные сходят на родной советский берег.

В последующих боях флотилия еще оттеснила противника и заняла село Гальяны. 1 ноября к флотилии присоединился новый корабль, вооруженный в Сормове: «Ваня-Коммунист» № 9. На нем были все уцелевшие с «Вани-Коммуниста» № 5. Они вновь вернулись на фронт, чтобы биться на новом корабле, получившем родное им боевое имя.

Вплоть до ледостава действовали корабли, помогая наступлению Красной Армии. Одни за другими захватывались ими различные населенные пункты. 11 ноября наши суда разметали своим огнем белые части, занимавшие деревни Докша, Сидоровы Горы и Поздеры. У последней деревни корабли натолкнулись на заграждение. Ряд свай, опутанных якорными канатами, загораживал Каму. По реке уже шел лед, и разобрать заграждение было невозможно. Кораблям пришлось кончать боевую работу. Командование Красной Армии, благо-

даря моряков за все их труды, отдало приказ об отправке кораблей на зимовку.

Флотилия сделала все, что было в ее силах. Три месяца она вела непрестанные бои, не останавливалась ни перед какими опасностями, приносила большие жертвы и плечом к плечу с красными сухопутными частями побеждала врага.

Моряки не отступали, когда не было снарядов, не терялись, когда противник бил с тыла. Они стояли на боевых постах так, как этого требовала революция. Оправдывались слова Ильича, сказанные им 22 ноября 1917 года на I Всероссийском съезде моряков военного флота:

«Если... мы стали бы перед необходимостью продолжать войну, то русский народ, умевший безропотно проливать свою кровь, не зная зачем и во имя каких целей исполнявший волю душившего его правительства, без всякого сомнения с удесятеренной энергией, с удесятеренным героизмом пошел бы на борьбу тогда, ибо речь шла бы о борьбе за социализм, за свободу, на которую направила бы штыки международная буржуазия».

Флотилия зазимовала в Нижнем Новгороде. Бездеятельность, когда продолжалась борьба на фронтах, не была по душе матросам, и они массами записывались в отряд товарища Лепетенко, который шел на Южный фронт на помощь восставшим рабочим и крестьянам Украины. Этот отряд доблестно бился вместе с частями Красной Армии на Украине, в Донбассе и в Крыму. Красные моряки везде показали себя самоотверженными, смелыми и стойкими бойцами революции.

1928 г.

АНАТОЛИЙ ЖЕЛЕЗНЯКОВ

Фигура Анатолия Железнякова была одной из самых ярких и примечательных фигур в рядах революционного флота Октябрьского периода и периода гражданской войны. Это был очень крепкий, сильный, красивый молодой кочегар, крайне активный, развитой, начитанный. Далеко не все знали о его происхождении, о его прошлом. Вокруг Анатолия складывались домыслы, иногда с оттенком легендарности... А Анатолий был хороший, простой парень. В Москве у него жила старушка мать, были знакомые девушки. Работать, служить, плавать на море Анатолий начал с ранней юношеской поры. Он побывал в заграничных рейсах.

Анатолий Железняков был простым, непримиримым противником капиталистического строя...

Анатолий Железняков до революции подвергался преследованиям властей. Ему приходилось перебрасываться с Балтики на Черное море. В период мировой войны Анатолий страстно мечтал перебраться на Дальний Восток, поступить на китобойное судно и попасть за границу, в Америку, где он хотел получить образование и связаться с революционными организациями. Мечту о побеге он лелеял долгими месяцами. Анатолию приходилось жить впроголодь; работал он тогда кочегаром на Черном море, на транспортном судне.

Революция 1917 года открыла перед Анатолием Железняковым все двери, все пути. На матросских собраниях Железняков — бывалый, решительный, пылкий — был одним из лучших ораторов.

На Черном море ему было тесно, его тянуло на Балтику, в Петроград, поближе к центру революционных событий.

В Октябрьские дни Железняков участвовал в петроградских боях. В начале ноября 1917 года Железняков в составе сводного отряда (гельсингфорсский матросский отряд и 428-й лодейнопольский полк) участвовал в погоне за офицерским бронепоездом. Железняков был в головной части отряда. Люди рвались в бой. Матросы были пропитаны молодой, пылкой революционной романтикой и абсолютной решимостью биться с белогвардейцами, со всеми врагами — до конца.

Сводный отряд преследовал офицерский бронепоезд. Было это на Николаевской железной дороге. Бронепоезд мог наделать молодой Советской власти серьезные беды: он хотел прорваться в Москву, где ожесточенно дралась против Советов офицерская, купеческая, белогвардейско-студенческая гвардия.

Матросский отряд насчитывал семьсот пятьдесят человек. Люди решили поймать бронепоезд во что бы то ни стало. Эшелон летел неимоверно быстрым ходом. На мгновенных остановках связывались по телеграфу с железнодорожниками. На станции Бологое рабочие попытались задержать бронепоезд. Он прорвался на Полоцкую ветку. Матросы кинулись вслед. Противник обрезал всюду телеграфные провода, опасаясь, что матросам удастся своими призывами создать новые засады и помехи. Но эта мера не помогла офицерскому бронепоезду. У села Куженкино бронепоезд был настигнут.

Две головные артиллерийские площадки матросов с двумя 75-миллиметровыми орудиями выдвинулись вперед. Была ночь. Предстоял бой. Тогда с площадки соскочил Железняков, Берг и еще несколько человек.

Матросы подошли прямо к офицерскому поезду. Это был

оборудованный на заводе великолепный блиндированный поезд — «черепаха». Было ясно, что лобовой атакой брать его трудно. Матросы решили брать и напором, и «дипломатическими переговорами» — расслоением офицеров и солдат.

Сводный отряд нетерпеливо ждал результатов... В ночной тьме не было видно ничего. В штабе отряда, в слабо освещенном вагоне 3-го класса, устало ждал начальник отряда. Матросы вернулись: «Офицеры сдаются».

Дальше пошли новые бои, столкновения. Железняков вновь был в Петрограде. Каждый день — вызовы по экстренным оперативным нуждам... Подходили дни января 1918 года. Собиралось Учредительное собрание. Партия кадетов, эсеры, меньшевики и прочие готовились в день открытия Учредительного собрания нанести удар власти Советов.

В день открытия «учредилки» матросские отряды заняли наиболее важные посты в городе. Анатолий Железняков со своим отрядом занимал район Таврического дворца и нес охрану самого дворца. Здесь и должно было открыться Учредительное собрание. Еще в период выборов в Учредительное собрание моряки хотели выбрать Анатолия депутатом. Он решительно отказывался... А в день Учредительного собрания он ходил, загадочно улыбаясь.

К Таврическому дворцу хлынули вооруженные буржуазные демонстранты. Железняков вышел к ним навстречу, один, спокойно и бесстрашно разъясняя бесполезность запугиваний.

— На охране нового революционного порядка стоят матросы. Понятно? Нас вы не опрокинете.

Железняков рассеял толпу. Подошла другая. Железняков вывел один взвод, дал залп в воздух, и все эти эсеры и меньшевики разбежались...

О том, как в третьем часу утра, после длинных, тянувшихся полсуток, злобных и нудных речей меньшевиков и эсеров Железняков разогнал «учредилку»,— знают все. Чернов, сидевший на председательском месте, лидер эсеров, господин с шевелюрой, вел собрание. Железняков подошел к нему, положил руку на плечо и сказал спокойно и насмешливо о том, что предлагает Учредительному собранию разойтись по домам, потому что матросский караул устал слушать тут все эти речи и хочет спать.

1918 год... Анатолий Железняков в водовороте событий. Он вновь попадает на Юг. Его видят в одесском подполье. Весной 1919 года — с приходом Красной Армии — Железняков создает в Одессе бронепоезд «Имени Худякова». (Худяков был московским рабочим-медником, одним из первых комсомольцев-красногвардейцев. Был убит на улице, на посту,

в 1918 году.) Бронепоезд был великолепно оборудован. В команду Железняков людей отбирал строго, «с пристрастием». Основательно беседовал с каждым приходившим добровольцем, испытывал его под огнем. Мне памятен рассказ одного из таких добровольцев, Р. Пелита, бывшего солдата русской бригады во Франции. Он вернулся после тюремного заключения на транспорте, вместившем две тысячи возвращавшихся в Россию солдат. Все они мечтали о Родине, о доме. Встреча с Советской Родиной была потрясающей. И вот тут многие солдаты увидели бронепоезд Железнякова. Сам Железняков произвел на вернувшихся сильнейшее впечатление. Это был первый революционный командир, которого видели вернувшиеся. Они увидели человека-энергию. Он вдохновенно рассказывал им про революцию, про новые идеалы. Железняков увлек ряд людей в Красную Армию.

Белогвардейское командование сулило тогда за голову Железнякова 400 тысяч рублей.

Бронепоезд Железнякова действовал в районе Екатеринослава вместе с нашим бронепоездом «Грозный». Белые отрезали путь у станции Верховцево. Бронепоезд Железнякова прорывался на юг — к Херсону, Одессе. Работали орудия и двадцать четыре пулемета. Батарея белых стояла у самой станции и била почти в упор. Бой был яростный и скоротечный. Железняков приподнялся — он бил из револьвера по прислуге вражеской батареи.... Пуля попала в Железнякова через несколько секунд.

Бронепоезд прорвался... Железняков умирал девять часов. Организм боролся со смертью. Анатолию говорили о том, как удалось прорваться... Умирающий слушал, с трудом произнося последние слова...

Герой погиб. В его честь и память сложена песня, которую поет народ нашей страны.

ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНЯК

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк, партизан.

Он шел на Одессу,
А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд.
Налево застава,
Махновцы направо,
И десять осталось гранат.

«Ребята,— сказал,
Обращаясь к отряду,
Матрос-партизан Железняк,—
Херсон перед нами:
Пробьемся штыками,
И десять гранат — не пустяк».

Сказали ребята:
«Пробьемся штыками,
И десять гранат — не пустяк».
Штыком и гранатой
Пробились ребята...
Остался в степи Железняк.

Веселые песни
Поет Украина,
Счастливая юность цветет,
Подсолнух высокий,
И в небе далекий
Над степью кружит самолет.

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк, партизан.

Песня — полная лирики и героики. И тот факт, что здесь легенда отступила от подлинной хроники фронта, ничему не мешает...

А подлинная хроника фронта была у нас такой. Бойцы бронепоезда решили не оставлять тела Анатолия Железнякова на территории, которую захватывали белогвардейцы. Под охраной верных товарищей тело убитого героя было отправлено в центр революционного мира — в Москву. И в августовский день 1919 года гроб с убитым пронесли по улицам столицы, сквозь Красную Пресню и опустили в землю рядом с могилой начдива 16-й стрелковой дивизии Киквидзе, который погиб на Царицынском фронте,— опустили в землю рядом с могилой большевика Николая Баумана, погибшего в 1905 году...

Сейчас весна... Над могилой Железнякова стаял снег. В небе звенят серо-серебристые боевые самолеты. За стеной кладбища, на стрельбище, стучат пулеметы; с Ходынского поля ветер доносит пение молодых красноармейцев и раскаты ротных батальонных ответов: «Зрас-с!..»

Да, да здравствует жизнь!

Май 1938 г.

НА ЮГ

Мне выпало счастье и честь находиться в решающий период боев Первой Конной армии в ее рядах. Это была памятная осень 1919 года. Наша морская бригада только что закончила свой кольцеобразный путь, пройдя всю Украину и Крым. Нас оставалась едва треть из того состава, который начинал поход против Петлюры и немецких оккупантов.

Мы возвращались в ряды флота. Почти каждый стремился попасть вновь на тот корабль, на котором он плавал.

Я вернулся на свой корабль «Коммунист» — Волжско-Каспийской флотилии, действовавшей в районе Саратова — Царицына.

Вот строки из письма отцу, письма, которое отец разыскал теперь:

«Пять суток без газет, когда идут бои у нас под Питером и здесь у Царицына. Только сегодня (23 октября) получили газеты и радио. Поистине изумляешься Питеру. Энергия и энергия! Первый город в России! Судьба революции решается на фронте. Первый удар сделан. Да, деникинцы чаю в Москве пить не будут. Я видел добровольцев, которые шли на фронт на Волге, и новую красную кавалерию. Они дело решат...»

Вот это кратенькое, сохранившееся у меня письмо, оно точно передает мысли и настроения одного из сотен тысяч военных партийных бойцов, и когда приближение холодов поставило перед нами горькую необходимость вести корабли в базу, я, собрав группу моряков, предложил им: «Идем в конницу». Кто знает «универсальность» бойцов гражданской войны, в частности матросов, тот не удивится. На призыв откликнулось несколько человек. Оставил даже свои ложки-поварешки корабельный кок товарищ Калиберда. Пришлось преодолевать, однако, сильное сопротивление командования: «Забираешь ценных специалистов, а кто останется на кораблях?» Дилемма была серьезной. Тогда мы решили обеспечить до конца боеспособность и сохранность кораблей на зиму и программу, которую командир и судовой механик растягивали на ноябрь, декабрь, январь и февраль, выполнить в кратчайший срок. Понятие «субботник» у нас на флоте сливалось с понятием «авральная работа». Мы знали с 17-го года радость коллективного, тысячерукого, дерзостно-стремительного и веселого труда. Мы отгрохали все, что полагалось, идя на зимовку к базе. Таким образом, мы были лишены возможности сразу сойти на берег и прийти в 4-ю или 6-ю кавдивизии.

Поставив корабль на зимовку в Нижнем Новгороде, мы начали гнать вновь на юг через Москву.

Покидаем города РСФСР. Холодные, ощеренные, обернувшиеся к югу и западу. На ходу, в ночь пересадки, я забегаю к друзьям, чтобы узнать о своих собратьях, с которыми вместе шел в Октябре. Убит — где-то на Дальнем Востоке; тот — где-то на Украине... Все в порядке вещей. И второе торопливое письмо отцу:

«Дух прекрасный, сил много. Скоро услышите о нас. Украина восстает, и наше дело ударить белых в лоб. Отдавать Украину снова не намерены. Удастся — приеду домой, но после фронта. У нас тысячи кавалеристов и казаков, нам все равно, начали и кончим. Война жестокая. В плен не берут и не сдаются. Мне пока везет, хотя был ранен...»

Моя группа летела так, как могут лететь добровольцы на фронт. Где на паровозе, где в каком-нибудь особом составе. На ходу заводили дружбу, на ходу обретали смертельных врагов. («В этот вагон категорически нельзя».— «Убьем, посторонись, нам по делу».)

Мы были назначены на бронепоезд Первой Конной армии «Коммунар» № 56. Движение на юг развертывалось по гигантской дуге от Волги до Днепра. Революция собрала здесь все лучшее. В памяти царицынские, сормовские, брянские бронепоезда. Пролетарский гений создал в эти дни тяжелый бронепоезд № 85. Это был сормовский сухопутный дредноут с 6- и 8-дюймовыми орудиями. Пролетарский гений в эти дни сосредоточил на Южном фронте цвет человеческих сил. Пролетарский гений в эти дни создал Первую Конную армию. Эти огромные грозовые разряды мысли и воли рождали смелейшие великолепные стратегические ходы — ударить через Донбасс навстречу шахтерскому пролетариату и восстающей Украине.

Недостаточно еще объясненная традиция некоторых писателей и публицистов изображать Красную Армию голой, босой, вшивой, несчастной — должна быть истреблена. Это никчемное прибеднение. Так могут писать люди, которые не видели тогдашней мощи революции. В памяти моей и моих товарищей конармейцев встает все движение от Царицына по дуге к Воронежу, Касторной, Валуйкам, Купянску, Сватову, Несветовичам, Попасной, Дебальцеву, Иловайской, Таганрогу, Ростову. На всем этом пути наш глаз — глаз участников боев — видел материальное воплощение пролетарского труда, изобретательности, вдохновения, энергии, самоотверженности. Точно все склады бросили сюда, на юг — шинели, папахи, шлемы, седла, винтовки, шашки, бронепоезда, снаряды, те-

лефонные кабели, санитарные поезда... Я не хочу сказать, что всего было в изобилии, но я хочу сказать, что все это было и все это действовало так, с такой силой, что растрепало и уничтожило все материальные средства, которые были заготовлены для Деникина в России, в Англии, во Франции и так далее. Здесь, в битве на Южном фронте, столкнулись разные исторические качества.

В моей памяти и в моем сегодняшнем воображении стоят живые носители высших человеческих качеств: военачальники, командиры, бойцы Южного фронта.

Железный Сталин. Весь собранный, полный неугасающей энергии. Разносторонне физически развитый, полный новых идей Ворошилов. Атлетически рослый, безудержно храбрый в бою и расчетливый в штабе Егоров. Неутомимый и тоже атлетически сложенный воин, сплавивший в себе опыт трех войн, мягкий с людьми и беспощадный в деле Буденный. Широкогрудый, подтянутый, с открытым лицом донецкий большевик Щаденко. Рослые статные начдивы Пархоменко, Апанасенко, Тимошенко, Ракитин — все смелые, жизнелюбивые. Беспредельной храбрости и выдержки начдив-4 — Городовиков. Чубатые бойцы — донцы. Тысячи бойцов в бурках и черкесках — кубанцы. На рысях идущая в новых красноармейских шлемах 11-я кавалерийская дивизия — воплощение регулярного начала людей, пришедших с заводов и от центральной и северной российской бедноты. Великолепные, щеголевато одетые конники — добровольцы немецкой бригады из-под Саратова.

Бронечасти: наш «Коммунар» № 56, «Красный кавалерист» и «Железнодорожник» — с ног до головы одетые в черную кожу машинисты, токаря, слесаря, матросы... Все эти люди, от Буденного до рядового добровольца, были воплощением здоровья класса.

Весь облик этого фронта, весь облик этой армии, он — как вмещающийся в раму из Днепра и Волги — портрет живой, движущейся баррикады открытых, умных и воодушевленных лиц, широко развернутых плеч и поднятых в удар рук. Я не могу забыть, как на одной из стоянок бойцы баловались гирями-«двойниками» и как Буденный, зажав сразу два «двойника» — четыре пуда, понес их вверх медленно, будто плавно подымал руку в синие небеса...

Армия двигалась безостановочно. Поразительно было видеть какое-то совершенное взаимодействие частей. Вспоминались годы — 18-й и начало 19-го, когда Троцкий истерически требовал поголовного расстрела всех командиров, валя в одну кучу и перебежчиков-офицеров и старых большевиков.

Первая Конная шла с удивительной гибкостью и быстротой. Пехота — с нами шли 9-я и 12-я стрелковые дивизии — не отставала от конницы и бронепоездов. Это значит, что поднявшийся на защиту социализма новый человек, новый гражданин шел и бежал десятки верст в день. Этих скоростей не знают другие армии. Это значит, что ни конницу, ни бронепоезда, ни пехоту не останавливали ни взорванные мосты, ни взорванные рельсы, ни реки, ни морозы. В самые студеные недели, выходя на доно-кубанские степи, Первая Конная не теряла бойцов обмороженными — это было как раз в те дни, когда наполовину замерз пятнадцатитысячный белый конный корпус Павлова.

Наступательный порыв был поразителен. Я помню следующее. На бронепоездах нам полагалось сменяться через положенное число суток. Наступление должна была продолжать следующая смена. При приближении к Донбассу пришла смена с командиром бронепоездов П. Федоровым. Наша смена с безногим комиссаром товарищем Калмацким — он воевал на костылях — отказалась уйти. Нас уламывали, просили — ничего не вышло. В бой пошли обе смены. У первого орудия стоял матрос латыш Фрейман с искалеченной три-четыре месяца назад рукой. Он приспособился действовать одной рукой, как-то помогал себе плечом, грудью, головой. Это был виртуоз-наводчик.

9 декабря мы взяли Валуйки. Здесь Первая Конная явила еще один свой вид: с воодушевленной быстротой одновременно бойцы стали налаживать гражданское управление, топливное снабжение, путейскую службу и т. д. Эшелоны с углем пошли по назначению, сторожа стали подметать пути и платформы, начал работать Ревком, начали работать мастерские.

Армия возвращала жизнь. Армия возвращала то, без чего человек не может существовать — труд. Армия возвращала заботу и любовь к творениям человеческих рук и мозга. Все устраивалось, становилось на места, начинало нормально функционировать. И тут же, параллельно, вставали картины, которые мелькнули несколько недель назад: действия корпуса генерала Мамонтова. Идя с лозунгами: «За великую, единую, неделимую Россию»,— они калечили, жгли, взрывали и насиловали эту Россию. О, дело здесь совсем не в военной необходимости разрушительно действовать во время рейдов в тыл противника. Мы тоже действовали в рейдах и были в тылах противника! Но мы никогда не действовали с беспросветностью, с озлоблением, без разбору.

Мы двигались за Валуйки, на юг, на Донбасс! В степи, из балки, показались белые казаки. Тут произошло следующее:

человек пять на ходу выскакивают из поезда и кидаются прямо на казаков, готовые брать их врукопашную. Поверх голов кинувшихся хлещут пулеметы всего борта. Бегущие на бой врукопашную вопят — это одновременно какой-то боевой клич и предостережение пулеметчикам не срезать и своих. Все происходит молниеносно, казачий разъезд уничтожен и рассеян. В этом стремительном темпе, все время радостно раздражаемые и воодушевляемые теплыми южными ветрами с Азовского моря, мы идем, строя и возвращая республике ее южные железнодорожные пути. Мы взяли Купянск. На север двинуты новые эшелоны угля.

У Сватова опять, в морозный день, когда на закате небо и снег были красными, мы сшиблись с офицерским бронепоездом и опрокинули его. Я не забуду одной детали: бронепоезда шли по путям у самых хат, и едва упала последняя гильза, население деревни пришло к бронепоезду и по-крестьянски, по-отечески сказало нам: «А теперь давайте вечерять». Для армии был готов и стол и дом.

Конные дивизии, наши бронепоезда и пехота непрерывно чередовали фронтальные, фланговые и обходные удары. Это был непрерывный блеск оперативно-тактической мысли. И ежедневность этих ударов без промаха — ошеломляла и парализовывала противника. Красные всегда появлялись неожиданно в самых уязвимых для белых местах. Взорвав где-либо железнодорожное полотно, белые пытались застраховаться на сутки. Мы ускоряли работу, становились саперами. Нам помогало население. Мы выигрывали десять — двадцать часов. И били противника опять.

Все это сложное и замечательное соединение блестящих стратегических, оперативных и тактических действий, поддержка трудового населения, общий порыв — все это обрушивало на противника беды и несчастья. Наша численность казалась противнику большей, чем она была на самом деле, мы казались вездесущими. А мы шли и били противника, в несколько раз более сильного. Конных дивизий у противника было намного больше, бронепоездов — в три-четыре раза больше.

Военная история не знает таких примеров, с какими столкнулись мы в боях на рубежах Донбасса. 18 декабря мы подошли к Северному Донцу. Командование намечало выход к Азовью и захват Ростова. Необходимо было перейти Северный Донец и разгромить две группы противника: конные корпуса генерала Мамонтова, генерала Улагая, генерала Шкуро, пехотные дивизии противника и его бронепоезда.

В 8 часов утра 19 декабря мы перешли в наступление.

Всю ночь мы работали вместе с местными шахтерами и рабочими химзавода у железнодорожного моста через Донец. Мы ремонтировали его под огнем, чтобы утром пропустить через него бронепоезда и с конями на поводу 4-ю и 6-ю кавдивизии.

Новый глубокий обходной маневр — и стиснутый, потрясенный противник бежит. Бегут офицерские дивизии, у которых в августе и сентябре генерал Май-Маевский спрашивал: «Сколько осталось переходов до Москвы?» И офицеры каждое утро отвечали, что меньше и меньше, ибо действительно им до Москвы оставалось не так много. Сейчас они бежали перед нами: Марковская дивизия, Дроздовская дивизия, Сводноуланская дивизия, Терская дивизия, Алексеевский полк, пластунские полки. И в одном из боев я столкнулся, ведя своих разведчиков, с явлением небывалым: на наших глазах за Донцом стала развертываться конная группа. Мы кинулись на нее в пешем строю, стреляя на ходу. Белые кавалеристы могли принять удар, могли залечь, могли взять нас в шашки, могли, наконец, ускакать от нас или сдаться — вот мыслимые в военной практике варианты. Произошло совсем другое. Белые кавалеристы, природные казаки, стали слезать с коней и разбегаться пешим порядком. Ужас и паника распространялись в белых рядах. Вся наша разведка вернулась к бронепоезду верхами. Матросы дергали поводья и по-флотски покрикивали: «Полный ход! Малый ход! Право руля! Лево руля!» Пленные кони мотали головами, ворочались и меняли аллюры.

25 декабря Первая Конная армия ворвалась в Донбасс. Вдоль всей железной дороги — движущиеся массы рабочих. Из ворот выскакивают на неоседланных конях какие-то парни и, взбрасывая локти, летят догонять конницу. Это новые добровольцы к Буденному. Бронепоезда идут параллельно движущейся лавине, где минутами сотни и эскадроны смешиваются с рабочим людом. К нам на бронепоезд, на ходу, обрываясь, рискуя попасть под колеса, бегут женщины и суют смерзшиеся помидоры.

Южный фронт движется неудержимо. Передают, что уже взяты Полтава, Харьков, а на левом фланге — Миллерово. Южный фронт движется, увлекаемый вперед Первой Конной, стремительно, как болид. И имя Первой Конной, впервые появившееся 19 ноября 1919 года в приказе по Южному фронту, становится известным всей стране, всей Европе, миру.

Гений пролетариата, создавший эту армию, одолел кризис осени 1919 года, отбросил истерических лже-полководцев, выдвинул умных, чистых и сильных людей, организовал их

в невиданные боевые соединения, бросил в вернейшем направлении на врага, за которым стоял весь вооруженный капиталистический мир, растрепал, уничтожил весь фронт и вышел на озаренные солнцем весенние территории — к южным морям, на новые исторические пути.

24 февраля 1935 г.

ГЕРОИЧЕСКАЯ БАЛТИКА

Тысячелетия тому назад Балтийское море было заливом Северного Ледовитого океана. Волны его и гигантские ледяные поля покрывали тогда твердую землю Восточной Европы. Киты, взбрасывая белые фонтаны воды, ныряли в студеной воде. Прибои бились о скалы Скандинавии, а к югу и востоку лежали отмели.

Прошли тысячелетия. Берега Ботнического залива поднимались на 4—5 футов в столетие и берега Финского залива на 2 фута. Медленный неотвратимый подъем почвы и создал сложную конфигурацию современного Балтийского моря.

Первыми историческими людьми в этих краях были русские и финские племена (они образовали впоследствии народы: финский, карельский и эстонский).

Россия становилась на Балтийском море твердо, упорно, с железной настойчивостью. Опорные пункты русского народа возникали один за одним. В своем могучем движении народ побеждал природу: болота, леса, туманы, морозы, зверье,— все и всяческие препятствия. Россия ставила свои города и крепости: Новгород, Псков, Полоцк, строила торговые и военные суда, выходила на Волхов, на Неву, в Балтику (бывшее Варяжское море),— стремясь к просторам, к обмену с Западом, а при нужде прибегая и к обороне своих северо-западных земель и сильным ударам по врагам.

О размахе русской морской деятельности напоминают нам и новгородские записи, и раскопки, и труды, и свидетельства наших западных историков. Русские суда бороздили Балтику в XII и XIII веках; на острове Готланд (ныне шведском) было русское торговое подворье и церковь. В крепких спорах со шведами русские корабли — грубые, крепкие, просмоленные парусники с дружинниками — врывались в порты и города Швеции, наводили страх на весь Або-Аландский район и Ботнический залив. В Новгороде и по сей день сберегаются кованые большие церковные ворота, взятые русскими в одном из городов Швеции.

Героическая история нашей родной Балтики велика и неисчерпаема... А красота Балтики! Бывают здесь дни такой прелести и красоты, которую не встретишь нигде на свете. Тают весной льды, синеют озера, лежат валуны на полях, шумят сосны, а с юга летят первые перелетные птицы... Ветры еще холодны, волна леденит лицо, но знаешь: весна близко, она придет. Пробуждаются с каждой минутой, с каждой новой утренней зарей неисчислимые силы великой природы, и Балтика становится сказочной.

Исчезают ночи. Непередаваемые краски украшают море, берега и небеса... То горят разъяренные, клокочущие закаты, будто идет битва в небесах и все там полно крови, огня и дыма... То воцаряется над морем такой покой, такая тишина, что кажется: жизнь замерла навсегда... Таких штилей — бледно-голубого, нежного, акварельного неба и моря, такого воздуха — прохладного, солоновато-хвойного, в летние дни у Моонзунда — не встретишь, не вкусишь нигде в мире... А отсветы северных сияний!.. А причудливая красота шхер!..

Родная Балтика, воды и берега нашей Родины — вы вечная, верная и стойкая любовь балтийского моряка!

Глубокий взволнованный трепет пробегает по всему существу, когда вновь окидываешь взором огромную панораму Кронштадта; когда видишь вновь убегающий вдаль, на запад, лесистый берег, далекие маяки, дымы боевых кораблей... Здесь, на этой святой для нас земле, в этих родных с юности водах, бились за народ, за Родину многие и многие поколения балтийцев.

В парусные времена, когда берега были малолюдны, без огней, шли наши прадеды в Балтику — навстречу мелям, рифам, штормам, любым засадам, шли без раздумья, зная, что ни останавливаться, ни пятиться нельзя, «не след», как говорили в старину.

В XVI веке Московская Русь дальше билась за Балтику против сильных западных коалиций. Русь знала, что нельзя позволить превратить Балтику в чье-либо «внутреннее озеро», в чье-либо чужое «единоличное» владение: шведское, датское, польское или какое-либо иное. Всякое укрепление иноземцев — рыцарей, шведских баронов, папских епископов — в Прибалтике неизменно вело к кровавым нападениям на Русь, к разграблениям, пожарам и насилиям. Сколько может об этом поведать седой Псков!

Враги в Прибалтике, строя крепости, выдвигаясь к русским границам, имели одну цель: закрыть России путь на Запад, лишить ее культурного и экономического обмена, загнать в леса и болота. Этим занимались с злобным упорст-

вом и псы-рыцари, и папские посланцы, и князья соседней Литвы, и польские паны.

Не раз приходилось России отвечать на эти удары, оскорбления и явно подрывные меры. В 1558—1559 годах армия Москвы должна была дать ответ. Она вступила вновь в Прибалтику, взяла Нарву, Юрьев (ныне Дерпт, или Тарту), дошла до Риги и по пути разгромила замки, базы врага. Удар русских был так силен, что существовавший ряд веков рыцарский Ливонский орден (союз) распался. Прибалтика зашаталась.

Против России поспешили тогда выступить — то вместе, то по очереди — Швеция, Польша и Дания — «только не пускать Россию к морю, на запад». Яростная война велась *двадцать лет* — так упорно бились стороны за Балтику, за ее берега.

Русская армия подходила (в 1570 г.) к Ревелю, одерживала победы, но ряд измен привел к неудачам. Польская армия вторглась было в псковские земли. Псков был осажден армией Стефана Батория.

Оборона Пскова была легендарной. Европейски снабженная и обученная армия разбилась о стены русского города, ничего не достигнув.

Истощив силы в 20-летней борьбе, обе стороны временно замирились (Ям-Запольский мир и мир на реке Плюссе).

Но наш народ от своих коренных, исторически оправданных целей на Балтике не отказывался никак и никогда.

Россия упорно шагала своим путем... В период Петра Великого вновь начался давний вековой спор за Балтику. И снова борьба захватила *два десятилетия* (1700—1721 гг.).

Выход на Балтику — в нашей истории был железной необходимостью: экономической, культурной, военной. Великая страна не могла и не может быть загнанной в крошечный водный уголок к устью Невы (этот уголок назвали Маркизовой Лужей).

Петр твердо обосновался на Неве и Финском заливе. Страна создала столицу, армию и флот заново... Войны, как сказано, охватили два десятилетия. Над Европой прогремел гром Полтавской победы, затем Гангутской. Россия вышла в ранг главнейших мировых держав. Все упорные комбинации Англии, которая бросала против Петра целые коалиции — Швецию, Голландию, Францию, Австрию,— были сорваны.

В 1713 году по указу Петра началось сооружение крепости в Ревеле; тогда же намечалось использовать и хорошую бухту в Балтийском порту.

Была взята и Рига.

Значение побед было оценено, было понято народом: в рус-

ских городах выход на Балтику праздновался «с немалым шумом гласов горнатных (орудийных) и мусикийских и различными украшениями», как читаем в одном тогдашнем письме из Москвы.

«Окно в Европу» — морской путь в Европу был открыт. Сухопутная дорога Петербург — Нарва — Рига — Кенигсберг (Германия) была открыта. Важнейшие подступы к Петербургу, Кронштадту и дороге Петербург — Москва были надежно защищены.

В 1731 году в Прибалтике была тридцать одна крепость (из них десять на побережье) и стояло двадцать русских полков.

Время шло... Изменялась обстановка, возникали новые споры, войны, заключались новые договоры.

В России еще в XIX веке с необыкновенной силой стало нарастать новое историческое движение: *революционное движение* русского народа. Движение это захватывало и Балтийский флот. 14 декабря 1825 года, в день восстания декабристов на Сенатской площади, у памятника Петру, в строях революционных войск стояли и *флотские* экипажи. Движение декабристов было свирепо подавлено, но убить героическую душу балтийских свободолюбивых и воинственных моряков *никому не дано.*

Весь XIX век полон отважных матросских выступлений. Порой бились одиночки — бросались на царских держиморд с ножом или свайкой. Порой выступали отдельные корабли. Один из них, не желая покориться царской власти, взорвал себя... Матросы участвовали в нелегальных кружках, искали путей, будучи в плавании за границей, в Лондоне, они встречались с Герценом, читали его «Колокол»...

В 1903 году матросы Балтики впервые установили связь с Петербургским комитетом партии. Эта дата — историческая для Балтфлота.

Царизм гнил на корню и шел к своей гибели. Обожравшееся от доходов дворянство развращалось. Администрация была тупа и воровата. Прежняя военная мощь народа, мощь России убивалась, уничтожалась... На глазах всех гнил флот; первые броненосные корабли были карикатурно плохи; в портах шло казнокрадство; запасы были скверны; техника отсталая... Дряхлые господа адмиралы, тряся жиденькими седенькими волосиками, шамкали по привычке о том, что «чудо-матросики постоят за царя, вывезут». А матросики уже вступали в РСДРП (большевиков), задумывались о судьбах народа, России, о путях будущей борьбы...

Война и революция 1905 года открыли глаза народным

массам. Война 1914—1917 годов двинула массы на штурм старых порядков.

И в 1905-м и в 1914—1917 годах в первых шеренгах героических борцов за свободу, за Родину, за ее права и честь были балтийские матросы.

Родной Кронштадт! Сколько видел он матросских восстаний! Нет улицы, где не была пролита кровь матросская. Каратели стреляли по флотским экипажам, жгли и пытали. В тюрьмах гремели песни свободы — то матросы, идя на смерть, пели революционные песни, прощались с народом. По ночам к Лисьему Носу жандармы везли матросов топить связанных, с мешками на голове, с колосниками на ногах. Матросы и во тьме, связанные и избитые, кричали неукротимо: «Да здравствует революция! Да здравствует свободная Балтика!»

В 1906 году прогремело восстание в Ревеле на крейсере «Память Азова». Братья матросы были преданы. И 3 июля 1906 года военно-судный отдел войск Петербургского округа приказал генерал-губернатору казнить азовцев на острове Карлос и *место погребения сровнять с землей...*

Товарищи, помните о тех, кто добывал вам свободу!

Помните о вечной и бесстрашной героике русских матросов.

В 1904 году в вооруженном выступлении участвовало 2 тысячи человек.

В 1905 году в восстании в Кронштадте — 3 тысячи человек.

В 1906 году в новом восстании в Кронштадте — около 2500 человек.

В 1906 году на «Памяти Азова» — несколько сот человек.

В Свеаборгском восстании — несколько сот человек.

В пеньковых петлях задохлись храбрейшие из храбрых. Умирая, они завещали: биться с врагами народа, биться за революционную Россию, за родную Балтику до конца.

Пришли новые поколения... В 1917 году Балтфлот по военному времени насчитывал 105 тысяч человек.

На линкоре *«Гангут»* — ныне *«Октябрьская революция»* — в 1915 году первыми на весь мир против империалистической войны восстали балтийские матросы...

И поднялась в те годы вся наша Балтика, грозная, отчаянная, молодая, и без передышки пять лет, пять долгих и страшных лет, бились мы с врагами. Считались за все — за старое и новое, за прошлое и будущее. За всех избитых, повешенных, сосланных, оскорбленных, угасших на больничных койках в морских госпиталях. За свои семьи, за свой народ. За то, чтобы была Родина светлой, чистой, здоровой. За то,

чтобы широко раскинулись ее силы. За то, чтобы раз и навеки сгинули мерзавцы, захребетники, насильники, золотопогонная свора, которая виновна была в поражениях в Порт-Артуре, Цусиме, во многих грехах, и в сдаче Риги в 1917 году, в изменнической отдаче Прибалтики, за которую мы немало отдали крови, и в войне 1914—1917 годов. Пускали в море матросскую кровь, как ненужную грязную воду на приборке.

Не быть больше тому!

И вновь ринулись балтийцы в бои, и в какие бои!.. Весь 1919 год дымилась Балтика от пожаров. Англия вновь — в который раз — шла и слала других, чтобы опять запереть намертво нам выход в море, на просторы... Пылали лесные склады; взлетали от диверсий форты; рвались английские бомбы в парках, когда усталые балтийские краснофлотцы сходили с кораблей, чтобы хоть на час получить иллюзию отдыха; гнездились измены в штабах; подымались контрреволюционные мятежники на Красной Горке; происходили ночные налеты на базу флота; орудовали шпионы; было голодно и холодно; команды кораблей болели цингой; в Лужской губе собирали ягоды и грибы, чтобы хоть как-нибудь утолить голод; делились последней махоркой; давали тысячи людей на любые фронты; терпели все нехватки; грузили сырую осиновую чурку, так как не было угля.

И бились день и ночь с английским флотом. Бились небольшим Дотом (Действующий отряд Балтийского флота) с семьюдесятью двумя кораблями Англии. Бились за Родину, за коммунизм, за правое дело!

На дно было отправлено много английских кораблей. Враг был отлупцован по всем правилам морской техники. Британия поджала хвост... Балтика ей улыбнулась... Осталась лишь надежда — создать барьер из Прибалтийских стран и со временем вновь бросить их против нас.

Прошло *двадцать лет*... Новый цикл истории. Мы отдали свои силы великому строительству. Выросла величайшая в мире держава, наш СССР. Вырос новый флот.

И вновь расправляет могучий наш народ свою грудь, свои богатырские плечи. Соседние страны в Прибалтике открывают нам свои порты и берега. Вражьи замыслы срываются.

Большие дни сейчас на Балтике. Мы начинаем новую главу истории.

6 октября 1939 г.

МОРЯКИ ИЗ КРОНШТАДТА

Холодная бурная Балтика. Ноябрьский ветер со свистом бьет в остатки закопченных старинных фортов. Этой ночью начинаются военные действия против Финляндии. Отвечаем врагам...

Ветер свистит и гудит над Балтийским морем. Кругом, скрытая тьмой, незримая, но ощутимая деятельность огромных человеческих масс. Затемненный, настороженный Ленинград, где кипит ночная работа заводов и вытягиваются на Выборгское шоссе автоколонны с мутными синими пятнами фар; город, где все снова готово к военным испытаниям. Ленинграду опять грозят враги.

Тьма покрывает весь фронт — от Ледовитого океана до Финского залива и Аландских шхер. На самом Севере в бледно-зеленом мерцании полярного сияния стоят готовые к удару красноармейцы и моряки. Готовы бойцы и в Карелии, готовы на Финском заливе. Все полно напряжения. И наконец, на десятки километров полыхнули зеленым пламенем наши дальнобойные. Приказ дан!..

Поперек залива лежали острова, двадцать лет запиравшие нам выход. Надо было проломить этот островной финно-британский блокирующий пояс. Наш десант выходил ночью. Береговые шоссе к исходным пунктам неожиданно покрылись ледяной коркой. Машины буксовали. Пробившись на несколько сот метров вперед, они катились назад по обрывистым спускам. Огней не было никаких. Машины шли с боезапасом. Моряки в молчании и в кромешной тьме нащупывали, угадывали, куда сползают, куда кренятся тяжелые грузовики, ловили их на ходу, останавливали, выворачивали на дорогу, вталкивали в гору, а потом на руках спускали опасный груз под гору.

Во тьме выходили боевые корабли и транспорты с десантом. Восточный край неба едва серел — там был родной Ленинград.

Вода у берегов от стужи была тяжелой. Еще день-два, еще градусом-двумя меньше, и она начнет замерзать. В эту воду предстояло идти бойцам десанта. Они пошли так же, как ходили в этих же местах матросы первого призыва революции.

Сквозь рассвет проступал огромный 20-километровый горб острова Гогланд. Взять его! Эсминцы заметили подводные лодки противника. Поверхность моря покрылась грязноватыми выбросами воды — это рвались глубинные бомбы. С воем проходили морские самолеты. Началась высадка. Вперед шли,

не сводя глаз с финских пристаней и наблюдательных пунктов. Выбрасывались рывком, мгновенно цепляясь за берег, делая тут же промеры глубин, подтаскивая пулеметы и уже намечая глазом, где поднять красный флаг. С моря били корабли, метались желтовато-зеленые вспышки...

С часу на час, со дня на день борьба распространялась на новые и новые участки. Наваливались свирепые непогоды. Из Арктики шла такая лавина холода, какой не бывало в этих местах уже целый век. Корабли в походах обледеневали так, что нельзя было узнать их очертаний. Казалось, что с моря идут странные айсберги. А там, неся службу по десять, двадцать и более суток, делали свое дело военные моряки. Природа, видимо, хотела выяснить предел выносливости русских большевистских бойцов. Она захватывала их на берегах безветренной, мертвящей волной 42-градусного мороза. Люди кряхтели, но приспосабливались, выдерживали. Морских летчиков мороз схватывал на высотах: там было 55—60 градусов ниже нуля. Война не останавливалась. Работали, летали, учились, бились, проникая в глубокий тыл противника. Чтобы ускорить вылеты, жены летчиков помогали набивать пулеметные ленты. И не нашлось никого, кто бы мог помешать им в этом порыве. Они провожали мужей в далекие рейды. Они ждали возвращения их, инстинктом узнавая свои самолеты. Они умели держать себя в руках, советские женщины, когда мужья не возвращались домой.

Дрались денно и нощно. Противнику не давали ни часу, ни дня передышки. И по ночам, бывало, уходя в новую операцию, ловили по радио европейские передачи: «Финская армия молит о том, чтобы ей хоть немножко передохнуть, выспаться». Нет, мы не спим, и вы не будете спать! Нам очень трудно, но мы осилим все, и вы узнаете, вспомните, кто мы такие, большевики!

Кронштадт, весь белый от инея, собранный, настороженный, с тысячами невидимых часовых, секретов, дозорных, бились с природой. Флот знал ледовые походы. Флотские старики и молодежь могли их повторить снова и повторяли. Корабли выходили во льды, поражая противника на всем протяжении его морской границы, сметая в щепки и бетонную пыль огневые точки в районе от Сестры-реки до Стирсудена. Крепость Койвисто — Биорке громили линкоры «Марат» и «Октябрьская революция». Эта дуэль крепости с линкорами приобретала иногда острейший характер. Линкорам угрожали подводные лодки, мины. Батареи противника были глубоко и хитроумно запрятаны. Перед выходом в бой на линкорах было сказано: помнить о традициях Балтфлота, об ударе по

мятежной Красной Горке. И люди с безотказной решимостью шли на трудную и неравную борьбу с крепостью. Позже, когда моряки ворвались в эту крепость, они внимательно считали свои попадания в финские батареи, пробитые броневые щиты орудий, осматривали разметанные и замерзшие тела финской орудийной прислуги.

Врага разили и там, где он не ожидал. Наши появлялись в шхерах, на недоступных фарватерах. Наши появлялись там, куда всякий ход был загражден рифами и минными полями...

Мы достаточно видели в прошлые войны, но мы не видели еще никогда такой работы, какую показали наши подводные лодки. Где надо, они подкрадывались дюйм за дюймом, по самому дну. Были моменты, когда под водой происходили незримые каменные обвалы. Обломки скал, камни били в борта. Люди выдерживали и это и шли вперед к одной цели: отвести всякую опасность от Родины и Ленинграда.

Грандиозный аппарат Балтфлота был в действии. У него двадцать лет не было боевой проверки, и сейчас прорабатывали и проверяли все, что было можно. Задумывались над ошибками и промахами и выправляли их. Отбрасывали некоторые иллюзии. Фиксировали все, что нужно. Боевой, еще не остывший опыт из рук в руки передавали работникам военной науки. Неустанно искали нового. Продумывали все — от способов борьбы с холодами до общих проблем стратегии. Люди сумели воедино сплавить и замечательный традиционный староматросский порыв, и культуру современной военной работы.

Балтфлот действовал в тесном братском контакте с Красной Армией. Плечом к плечу. И пар дыхания Кронштадта смешивался с дыханием тех бойцов армии, которые шли на доты. Пришел момент, и Балтфлот высадил на берег, на Карельский перешеек, тысячи своих людей. Это были отборные добровольцы, атлетическая молодежь. Это были лыжники, разведчики, морские стрелки. Пришли и батареи моряков.

И скоро фронт почувствовал их работу. Их удар заставлял трястись Выборг. Их надо было видеть в жизни, в бою, чтобы до конца их понять и полюбить. Вот о некоторых. Комбриг Донесевич, старый гвардейский матрос, четырнадцать раз ранен в гражданскую; орден Красного Знамени. За бои у Муурилы — Койвисто второй орден. Болят и старые раны и получена новая, но человек ведет людей с моря, по льду, сквозь торосы, в охват фланга «линии Маннергейма». Командир лыжников капитан Николай Лосяков обморожен, перебита левая рука — остается в строю. Он устал, осип. Лицо у него темно от синего лекарства, которым его смазали, чтобы

смягчить боль. Я видел Лосякова на мысу у Лаутаранты. Рыбачья хижина. Все мутно от дыма. Огонь «летучей мыши». Чернобородый доктор оперирует раненых. Они молчат, иногда кто-то вздохнет тяжко, но стерпит. Тут же гудит телефон... У дверей лежат убитые товарищи, и из-под белых халатов видна черная наша флотская одежда. Крепость Койвисто — Биорке обстреливает Балтийский отряд из 8- и 10-дюймовых орудий. Разрывы выламывают во льду большие дыры. «Вперед!» Моряки упорно наступают с залива на берег. Уже идет снайперская дуэль на 200—300 метров. Еще мы не раскусили, что такое эти доты. Их надо поближе посмотреть, пощупать. Отвлекая внимание противника огнем, по берегу сквозь лес подтаскивают моряки — капитан Шара-Бура, наводчик Гармоза и другие — тяжелое орудие. Они искусно прорубают просеки. Наводчику мешает впереди какая-то ветка. Он вылезает вперед. В это мгновение финны замечают отчаянных артиллеристов и в упор открывают пулеметный огонь. Гармоза все-таки идет вперед, срубает мешавшую ему ветвь и потом, вернувшись, с дистанции в 300 метров, в упор, садит в броневые плиты дота, в их черные узкие щели, снаряд за снарядом...

Стрельба из-за торосов по финнам, засевшим за проволокой, за минными полями, за бетоном и порой на мгновение показывающимся в соединительных ходах или у деревьев, продолжается. Финские снайперы сверху, с берега, с деревьев, бьют по морякам. Те поджимают ноги и, буравя головой снег, как кроты, лезут вперед метр за метром. В проволоке урчит и сопит, как медведь, наш застрявший танк. Финны орут: «Русс, сдавайся!» Моряки отвечают таким манером, что у финнов в ответ ничего подходящего не находится. Танкисты сидят в танке, мерзнут неимоверно, насмерть, но ремонт танка продолжают. Сообщили, что задание выполнят. На самый передний край в торосы выползают артиллерийские наблюдатели, командиры и комиссары. Эту чертову «линию Маннергейма» надо забрать. И мы заберем ее!

А вражий берег, фланг этой линии у селения Муурила, высится в свете все ниже склоняющейся к горизонту желтой луны. Бьют наши орудия. Впереди, на темном берегу, сверкают разрывы. Медленно расползаются дым и снежная пыль — доносятся стон и вой шюцкоровцев. Против моряков враг бросил отборный 7-й шюцкоровский батальон. Мы читали потом письма, найденные у них. В письмах встречались такие фразы: «Домой без победы не возвращайся. Лучше умри». Что делать: у нас такое же решение...

Так бились моряки несколько суток подряд. Они не про-

сили ни смены, ни помощи. Они вгрызались во фланг вражеского укрепрайона. Они оттягивали на себя резервы противника, которые встревоженно спешили по льду к месту боя.

Вновь рассвет, и уже не сказать, какой по счету. Опять багровое солнце над ледяными пространствами, и за торосами люди, которые продолжают выдерживать испытания. Впереди несколько убитых. Когда их хотели ночью убрать, рванули мины. Финны пошли и на такой прием. Они знали, что моряки своих убитых не оставят. Запомним и это... «Вперед!» На молодых лицах пробивается щетина, и она делает эти лица суровее и жестче. Кто-то пробует плеснуть воды на лицо, помыться, и на лице, на бровях мгновенно застывает ледяная корка.

Было девять атак. Последняя принесла победу. Иного исхода быть не могло. Это дрались моряки из Кронштадта.

Я бы хотел громко, чтобы слышал весь народ, вся армия,— прочитать вслух имена и фамилии каждого из этого отряда. Рассказать о каждом. Но здесь не хватит места. Пусть их представит здесь один Александр Посконкин. Молодой по службе — с осени 1939 года. Он один из первых прорвался на территорию противника во время боев. Он попал в окружение — штыком и пулей положил восьмерых, потом увидел, что рядом гибнет его командир. Шюцкоровец уже впился в горло упавшего командира. Посконкин штыком уложил шюцкоровца, поднял раненого командира, взвалил на себя и, отстреливаясь, пробился через кольцо. Сдал раненого командира, пройдя несколько километров, и бегом вернулся в бой и пошел вновь вперед! Ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Это люди Балтики.

28 июля 1940 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Всеволод Витальевич Вишневский

МАТРОСЫ

Рассказы и очерки

Редактор **О. Голева**
Художник **А. Сергеев**
Художественный редактор **Г. Саленков**
Технический редактор **В. Котова**
Корректоры **О. Ощепкова, Е. Полячек**

ИБ № 4752
Сдано в набор 22.01.87. Подписано к печати 22.06.87. Формат 84х108/32. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 2 кн.-журн. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,46. Уч.-изд. л. 5,93. Тираж 500 000 экз. Заказ 376. Цена 40 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Росполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
445043, Тольятти, Южное шоссе, 30